Цена 90 к.

Е58
543

и П. Бутон

ПРЕДАТЕЛЬСТВО социалистов

Е 58
543

1914

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО — ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1931

К. Серве и П. Бутон

E587
543

ПРЕДАТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИСТОВ 1914 г.

К3.

1931

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЗВ
3201

Редактор Р. Абих Техническ. редактор М. Кац

Отпечатано в тип. газеты „Правда". Москва, Тверская, 48 в июле 1931 г.

в колич. 5.000 экз. Уполномоченный Главлита № Б—8697. ОГИЗ № 290.

Предисловие

Предлагаемая книга не является исчерпывающим историческим трудом. Даже в довоенной позиции социалистов по отношению к вооруженным конфликтам остается несколько проблем, заслуживающих более тщательного изучения. Было бы, например, необходимо более детально исследовать отношение и позицию социалистической партии во время колониальных войн до 1914 г., более глубоко проанализировать проекты **Новой армии** Жореса и параллельно с этим рассмотреть новый закон «реорганизации армии», предложенный Поль Бонкуром и введенный в настоящее время в действие. Точно так же важно подвести исторический баланс деятельности социалистической партии со времени войны в отношении увеличения вооружений и внешней политики французского империализма.

Отсутствие времени, необходимость как можно скорее дать воинствующим коммунистам и рабочим общее представление о причинах и характере предательства социалистов в 1914 г. помешали нам расширить тему до желательных пределов. Тем более полезно быстро издать эту работу, что социал-фашизм ведет теперь демагогическую пацифистскую кампанию и напрягает все усилия, чтобы насильно привить пролетариату идею национальной обороны.

Социалистические вожди со времени войны проделали большую эволюцию. Если они теперь пользуются пацифистской фразеологией, то для того, чтобы скрыть свое участие в политике империализма, свою полную поддержку современному вооружению буржуазии, свое широкое участие в антисоветских кампаниях и в подготовке интервенции в СССР. Показать рабочему классу, куда вела позиция довоенных социал-оппортунистов, с тем, чтобы он понял, куда ведет политика социал-фашистов,— такова основная цель настоящей работы.

Эта работа предназначается, главным образом, для молодежи. Она предназначается для тех, кто не знает, что представляла собой старая социалистическая партия и какая путаница царила в умах ее вождей. Она посвящается молодежи, которая не знала, каким влиянием на пролетариат пользовались Жорес, Гэд, Вайан, Жус и др. вожди рабочего движения и какое доверие к ним питал рабочий класс. Молодежи, которая не мо-

жет измерить всю глубину предательства социалистических вождей в 1914 г., когда рабочий класс ждал от них после стольких обещаний призыва выступить против войны. Наконец, той молодежи, которая недостаточно знакома с историей социалистической партии и которая не присутствовала при этой схватке исключительного исторического значения, целью которой было вырвать из омерзительной тины шовинизма наиболее чистые революционные элементы, чтобы создать из них коммунистическую партию. Пусть они сравнят коммунистическую партию, которую они знают, с тем, чем была социалистическая партия до своего банкротства во время войны, и тогда они увидят пройденный путь. Пусть, сравнивая прежнюю и теперешнюю социалистические партии, они увидят путь, пройденный в обратном направлении Блюмом, Реноделем, Поль Фором.

Теперь, когда наша коммунистическая партия (Франция) празднует десятилетие своего основания; теперь, когда неизбежность новой войны повергает мир в ужас грядущих боен, восстановление в памяти преступлений социал-патриотов, богатых опытом и предостережениями для настоящего и будущего, покажет нам, какая тяжелая, но славная ответственность лежит на нас, воинствующих коммунистах.

К. С. и П. Б.

Январь 1931 г.

ЭПОХА НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОЙН

С Великой французской революцией началась на европейском континенте эра капитализма. В то же время она положила начало эпохе национальных войн.

Феодальное государство характеризуется экономической независимостью отдельных общин и провинций друг от друга. Каждая из этих единиц сама удовлетворяла свои потребности. Они представляли собой какие-то маленькие государства в большом феодальном государстве. Из этой экономической независимости вытекала независимость политическая. Во всей феодальной иерархии каждый феодал являлся хозяином в своем поместьи. Король, наиболее могущественный из сеньоров, управлял всем государством; князья, стоящие ниже его, царили в провинциях, а другие, менее богатые, царили в общинах. Каждый в пределах своего государства собирал десятины и дань со всех крепостных и подати с тех, кто находился под его управлением; он отправлял функции правосудия и обладал политической властью; он располагал вооруженной силой, наконец, выполнял функции управления в своем государстве. Вследствие независимости отдельных общин между всеми общежитиями и провинциями были воздвигнуты экономические и политические барьеры. Одним словом, феодальное государство характеризовалось экономической и политической раздробленностью и независимостью отдельных, входивших в ее состав частей.

Эта независимость уменьшалась по мере развития товарного хозяйства и торговли, которое влекло за собой политические последствия.

Но капиталистическая система для своего развития должна стереть все внутренние преграды, все административные деления средневековья. Она должна прежде всего завоевать внутренний рынок. Она должна обладать единым государством, без внутренних преград, мешающих свободному продвижению товаров.

Она должна объединить народы страны, поставить их под господство одной политической силы, одних законов и одной юрисдикции, единой и общей армии. Вот почему национальное государство «является естественной формой политического господства буржуазии» (Энгельс). Вот почему, когда буржуазия достаточно сильна, она разрушает старый фео-

дальный порядок и его учреждения. Вот почему эпоха зарождения и развития капиталистической системы является вместе с тем эпохой национального объединения и, следовательно, эпохой национальных войн.

Со времени Великой французской революции и до франко-прусской войны 1870—1871 гг. Европа была потрясена беспрерывными национальными войнами, возникавшими под давлением экономических сил зарождавшегося капитализма.

Войны французской революции против коалиции феодальных государств являются классическим примером национальных войн. Следствием восстания 1830 и 1848 гг. во Франции были национальные войны в Европе. Так возникла национальная революция Бельгии против Голландии в 1830 г., за которой последовала война, длившаяся до 1839 г., когда была окончательно признана бельгийская независимость. В том же 1830 г. вспыхнуло польское восстание против русского угнетения, — движение, повторившееся в 1863 г. В 1831 г. разразилась итальянская революция против австрийского ярма. Позже разыгралась война балканских государств против турецкой опеки. Все это время, вплоть до 1870 г., тянется борьба Пруссии за объединение Германии.

Это—эпоха войн, по преимуществу национальных, что, однако, не означает,—как совершенно справедливо замечает Зиновьев [1],—что не происходили другие войны—колониальные или за завоевание территории. Наоборот, такого рода войны происходили в 1840, 1856, 1860 гг. между Англией и Китаем, в 1828 г. между Россией и Турцией за обладание колониями и т. д. Точно так же и в эпоху империалистических войн ведутся войны национальные.

ЭПОХА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ВОЙН

Война 1870—1871 гг. между Францией и Пруссией замыкает эпоху национальных войн. С этого времени мы вступаем в новую эпоху: капитализм перерастает в империализм. Концентрация капиталов и производства, возникновение финансового капитала, преобладание вывоза капиталов над вывозом товаров, закончившийся раздел мира и борьба за передел его между великими державами — все эти условия, характеризующие империалистическую фазу капитализма, изменяют характер войн. Эпоха национальных войн, отражающая зарождение и развитие капитализма, уступает место эпохе империалистических войн, знаменующей упадок капитализма.

[1] Зиновьев, Война и кризис социализма (русское издание).

Тогда начинается завоевание колоний империалистическими державами для вывоза туда капиталов и товаров, для извлечения оттуда сырья. Это — борьба между капиталистическими группами за сферы влияния. Это — ожесточенная схватка между империалистическими государствами за обладание мировым рынком, схватка, которая во времена так наз. «мира» принимает экономическую форму, а в другие — принимает характер вооруженной борьбы. Это, наконец, — войны, которые ведутся не между двумя или несколькими воюющими странами, но становятся мировыми, вследствие взаимозависимости капиталистических стран и общности интересов капиталистов на мировом рынке. Это — глубочайший кризис, который пронизывает капиталистическую систему. Из этих потрясений вырастает пролетарская революция.

ВОПРОС О ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

Две эпохи войн вызывают необходимость двух тактик пролетариата. В эпоху национальных войн рабочий класс мог и должен был участвовать вместе со своей буржуазией в защите страны от внешнего угнетения. Это обусловливалось тем, что классовое расслоение не было еще глубоко, что в борьбе за национальное освобождение против феодализма нация была единым целым. Покуда интересы нации не были разрешены, революционное движение не могло развиваться или развивалось очень слабо.

Национальные войны велись под лозунгом «защиты отечества». В них участвовали полные энтузиазма многочисленные массы. Ни одна война не была так популярна, как война французской революции против «коалиции деспотов». Никогда солдаты не проявляли такого героизма, как поляки в борьбе против русского царизма, бельгийцы против голландских угнетателей, итальянцы против австрийского господства.

Но предоставим слово Зиновьеву, который описывает эти движения:

«Национальные войны 1789—1871 гг. должны оставить неизгладимый след в психологии широких народных масс. Целые поколения непосредственно участвовали в этих войнах, сотни и сотни тысяч людей жертвовали своей жизнью и своим имуществом. Эти войны вызывали героизм масс. Они воспевались поэтами, создавались легенды, передававшиеся из уст в уста; в школах, в церквах, в народных песнях прославляли борьбу за освобождение. Эта традиция поддерживалась наиболее просвещенной буржуазией. Можно себе представить, какой глубокий след это должно было оставить в сознании масс, какая ненависть должна была возникнуть

в Германии против Франции и, наоборот, в Италии против Австрии, в Австрии против Италии и т. д., в особенности среди городских и деревенских народных масс. В эпоху национальных войн развитие многочисленного пролетариата было невозможно: эти войны знаменовали начало капитализма и, следовательно, лишь начало образования пролетариата как класса»[1].

Но положение изменилось. Эпоха национальных войн окончилась и уже давно началась эпоха империалистических войн. Понятие нации превратилось в орудие классового господства буржуазии. Прежнее единство нации, охватывавшее все классы в борьбе против завоевателей, более невозможно. Деление на классы—глубоко, и борьба ведется уже не между нациями в целом, но между мировой буржуазией и мировым пролетариатом. В результате борьбы отдельных капиталистических государств усиливается эксплоатация трудящихся масс.

Однако буржуазия сумела с исключительной ловкостью использовать прежние традиции национальных войн в эпоху войн империалистических. Лозунгами «защиты отечества», «защиты нации», «независимости», «свободы народов располагать собой» капитализм увлек массы на поле битвы. Декларируя защиту революционного прошлого Франции, буржуазия и социалисты вовлекли рабочих в войну против Германии. Используя старую вражду между немецкими массами к царской России, столпом мировой реакции, буржуазия и социал-демократия Германии вовлекли пролетариат в империалистическую войну. То же было и в других случаях.

Буржуазия сумела использовать старый национальный лозунг «защиты отечества». Но входит ли в задачу социалистов провозглашать его? Уже в 1848 г. Маркс и Энгельс заявляли: «**Пролетарии не имеют родины.** У них нельзя отнять то, чего они не имеют». Когда они это писали, Маркс и Энгельс думали о приближающейся пролетарской революции. Однако рабочие некоторых стран должны были еще сражаться рядом с революционной буржуазией. Но если для государств, где национальное объединение уже закончено, лозунг манифеста был уже верен, он тем более верен теперь, когда капитализм вступил в свою империалистическую стадию развития, когда войны не имеют других целей, кроме завоевания новых рынков, эксплоатации туземцев в колониях и удовлетворения жажды наживы ненасытных капиталистов. Менее чем когда-либо имеют пролетарии отечество, менее чем когда-либо на них ложится долг защищать отечество, и их долг—защищать свой класс, обратив оружие против буржуазии.

II Интернационал в своих резолюциях провозгласил этот принцип. Но оппортунисты каждой страны его поддерживали с задней мыслью защи-

---

[1] Зиновьев, Названное сочинение.

щать свое отечество, которое—говорили они—лучше, чем сосед. На словах они соглашались с решением Интернационала, а в действительности делали другое.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ВОЙНЫ

Есть еще одна формула, которой пользуется буржуазия и которую использовали социалисты в 1914 г. Это — формула оборонительной войны. Она также является пережитком традиций национальных войн. Играя аргументом «нападающего тевтонца», который вторгся в «бедную маленькую Бельгию», чтобы напасть на Францию, буржуазия и социалисты вовлекли рабочие массы в бойню. Пользуясь тем же самым аргументом, Австрия объявила войну Сербии, гражданин которой убил австрийского эрцгерцога. Россия бросилась в конфликт, чтобы «защитить братскую сербскую нацию». Часто французские социалисты говорили: «если Франция подвергнется нападению, мы будем ее защищать». То же самое повторялось и социал-демократами других стран. Говорили, ответственным за войну является тот, кто первый нападает; тот, кто обороняется, заслуживает нашего сочувствия. И, как нарочно, все страны оказывались обороняющимися.

Пролетариат не должен поддаваться влиянию пропаганды, маскирующей действительные цели войны. Ленин много раз подчеркивал, что, рассматривая военный вопрос, нужно различать две эпохи: эпохи национальных войн и войн империалистических. Но вопрос об оборонительной войне можно также рассматривать с двух точек зрения: оборонительная война с точки зрения исторической и оборонительная с точки зрения дипломатической.

Нам безразлично, что такая-то страна дипломатически провоцировала другую на войну или что такое-то государство напало на другое первым. Суть не в этом. Мы должны рассматривать вопрос оборонительной войны под углом зрения революционных интересов. Какая страна стремится осуществить свое освобождение и национальное объединение и какая страна мешает этому процессу? Какая из стран допускает демократическое развитие рабочего движения и какая из них своим реакционным режимом противодействует этому движению? Одним словом, для какой страны исторически война представляет прогрессивное и для какой реакционное движение? Первую из них мы считаем исторически оправданной, хотя бы даже она дипломатически или стратегически начала наступление.

Социалисты поддерживали войну Пруссии против Бонапарта до превращения ее в захватническую и династическую, точно так же, как те-

перь мы поддерживаем войну революционного Китая или Индии против империалистов. Для семидесятников нападающей стороной был Бонапарт, но если бы даже они знали о фальсификации Бисмарком Эмской депеши и увидели бы, что он первый бросился в войну,— от этого не изменился бы самый характер войны. Немецкие социалисты и рабочие должны были принять участие в этой войне, потому что для Германии и мирового пролетариата она являлась исторически прогрессивной.

Но все это относится только к национальным войнам. Другое дело, когда воюют между собой империалистические державы. Таким образом, как мы увидим дальше в тексте, когда Жорес будет утверждать, что Германия имеет больше шансов на победу, нападая на Францию, и наоборот, Франция победит только тактикой обороны,— нельзя более пользоваться доводом о том, кто первый подвергся нападению или предпринял наступление. Между тем буржуа и социалисты в 1914 г. пользовались этим аргументом, чем вводили пролетариат в заблуждение. Ни война союзников, ни война центральных государств не были войнами прогрессивными. Обе стороны воевали лишь за захват мирового рынка, за новые рынки, эксплоатацию новых работ и получение больших прибылей. Пролетариат не должен был поддерживать ни ту, ни другую воюющую стороны. В каждом государстве буржуазия была классом реакционным и пролетариат — классом революционным. Вместо того чтобы уничтожать друг друга, пролетариат каждой страны должен был обратиться против собственной буржуазии. Но в 1914 г. II Интернационал не призвал его к этому.

ФРАНЦУЗСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ И ВОПРОС О ВОЙНЕ

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА 1870—1871 гг.

Оппортунисты II Интернационала, для оправдания своей точки зрения на войну, часто ссылались на отношения Маркса и Энгельса, Бебеля и Либкнехта к франко-прусской войне 1879—1871 гг. Но то, что было приемлемо в эпоху национальных войн, неприемлемо в эпоху войн империалистических.

ХАРАКТЕР ВОЙНЫ 1870—1871 гг.

В течение многих лет, в силу политики Франции, Германия не могла осуществить свое национальное объединение. Это вместе с тем затрудняло ее экономическое развитие. Бонапартистская Франция вместе с Россией была европейским жандармом. Вследствие раздробленности Германии и других стран Бонапарт чувствовал себя сильнее. С другой стороны, Наполеон III держал в полном подчинении французское рабочее движение, не допуская его развития, жестоко угнетая его.

Для Бонапарта война 1870—1871 гг. была династической, реакционной, для Германии войной революционной, войной за национальное освобождение.

Французские рабочие хорошо поняли характер войны. Манифест парижской секции Интернационала между прочим говорил:

«Французские, немецкие, испанские рабочие, пусть наши голоса объединятся для осуждения войны...

Война за преобладание или война династическая в глазах рабочих преступная нелепость».

Секция Нельи-на-Сене поддержала эту декларацию следующими словами:

«Справедлива ли война? Нет. Национальна ли война? Нет. Она чисто династична».

Таким образом позиция французских рабочих требовала борьбы всеми способами против правительства Бонапарта, этого столпа европейской реакции, которому война была нужна для укрепления своей власти. Но отношение немецких рабочих и социалистов должно было быть иным, так как победа Бонапарта означала бы победу европейской реакции, невозможность для Германии осуществить свое национальное объединение и, следовательно, отбросила бы назад рабочее революционное движение в Германии и Франции. Интересы мирового пролетариата требовали поражения Бонапарта.

В письме к Энгельсу от 20 июля 1870 г. Маркс писал: «...Французов надо вздуть. Если пруссаки победят, тогда централизация государственной власти принесет пользу централизации германского рабочего класса. Перевес Германии перенесет центр тяжести западноевропейского рабочего движения из Франции в Германию и стоит только сравнить движение, начиная с 1866 г. до настоящего времени, в обеих странах, чтобы увидеть, что немецкий рабочий класс теоретически и организационно выше французского. Его перевес на мировом театре над французским явится бы в то же время и перевесом нашей теории над теорией Прудона [1].

Несколько позже, 28 июля, Маркс вновь писал Энгельсу:

«Немецкий филистер в восторге от возможности без стеснения проявлять (по отношению к Бисмарку) свое прирожденное раболепство. Кто мог бы предположить через 22 года после 1848 г. возможность такого теоретического выражения национальной войны в Германии? К счастью, вся эта демонстрация проделана лишь мещанством. Рабочий класс, за исключением сторонников Швейцера, в ней не участвовал. К счастью, борьба классов в обеих странах, во Франции в той же мере, что и в Германии, развилась до той степени, когда никакая внешняя война не может повернуть обратно колесо истории».

Со своей стороны Энгельс в письме Марксу от 15 августа 1870 г. писал:

«Мне кажется, что дело обстоит следующим образом: Бонапарт втравил Германию в войну за ее собственное национальное существование. Если она окажется побежденной Бонапартом, то бонапартизм укрепится на целые годы. Германия же на целые годы, а может быть даже на несколько поколений погибнет. О самостоятельном немецком рабочем движении в таком случае не может быть больше и речи, борьба за восстановление национального бытия поглотит тогда все, и в лучшем случае немецкие рабочие окажутся на буксире у французских. Если победит Германия, то французский бонапартизм, во всяком случае, погибнет. Исчезнет, наконец, вечная склока из-за восстановления немецкого единства, не-

[1] Маркс и Энгельс, Письма, стр. 252.

мецкие рабочие смогут организоваться в совершенно ином национальном масштабе сравнительно с тем, что было до сих пор, а французские рабочие, какое бы правительство ни последовало за этим, будут иметь, конечно, гораздо более свободное поле деятельности, чем при бонапартизме».

ТАКТИКА ГЕРМАНСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

Энгельс полагал, что германские социал-демократы должны:

1. Присоединиться к национальному движению, поскольку оно ограничивается защитой Германии (что, при известных условиях, не исключает наступления и заключения мира).

2. Для этого необходимо подчеркнуть разницу между интересами германских националистов и интересами прусской династии.

3. Бороться против аннексии Эльзас-Лотарингии.

4. Как только в Париже будет у власти республиканское (не шовинистическое) правительство, надо настаивать на почетном мире.

5. Раскрыть единство интересов французских и немецких рабочих, которые никогда не одобряли войны и которые между собой не воюют.

6. Вскрыть угрозы со стороны России, как это сделано в Адресе Интернационала.

Нет никакого сомнения, что указания, данные из Лондона Марксом и Энгельсом Бебелю и Либкнехту, представляли собой единственную революционную точку зрения, которой должен был держаться немецкий пролетариат по отношению к этой войне. Немецкие социалисты должны присоединиться к национальному движению при некоторых условиях. Революционный долг заключается в уничтожении бонапартизма и объединении Германии. После этого рабочее движение во Франции и Германии получит новый толчок. В Германии не нужно будет больше заниматься уже разрешенным национальным вопросом, можно будет шире организовываться, уделяя все заботы подготовке пролетарской революции. Реакция, раздавленная во Франции, не сможет более мешать свободному развитию революционного рабочего движения. Во всей Европе это движение получит новый стимул, и угнетаемые Бонапартом национальности смогут освободиться. Надо стать на точку зрения интересов мирового пролетариата, а они требуют уничтожения бонапартской Франции.

Но это не значит, что германские рабочие должны связываться с Бисмарком. Наоборот, необходимо показать ответственность Бисмарка за эту войну, как впрочем это делал Карл Маркс в Адресе Интернационала от 27 июля 1870 г. Но рабочие не должны занимать совершенно отрицатель-

ную позицию. Не ввязываясь в возглавляемое Бисмарком движение, они должны разрешать вопрос в революционном духе. Германия ведет оборонительную и революционную, исторически прогрессивную войну. В этом смысле социалисты принимают в ней участие, и наоборот, как только она выходит за эти пределы, рабочие должны ей противодействовать.

«Если рабочий класс Германии допустит до того, что настоящая война потеряет свой исключительно оборонительный характер, если он допустит превращение ее в войну против французского народа, то для него победа или поражение будут одинаково пагубны».

Когда Маркс применяет термин «оборонительная война», он конечно имеет в виду не только то, что Франция первая напала на Германию, хотя современники эпохи, а равно и Маркс, полагали, что Франция спровоцировала войну,— но учитывает, что исторически для Германии эта война оборонительная в том смысле, на который мы указали выше.

После Седанского разгрома, сдачи Бонапарта и поражения империи война приняла совершенно иной характер. Для Германии она превратилась из оборонительной в завоевательную и династическую войну. И по обеим сторонам границ пролетариат соответственно реагировал. Во Франции была объявлена республика 4 сентября и затем Парижская коммуна. В Германии начались демонстрации немецких рабочих и социалистов за мир против аннексии. Немецкий народ требовал «почетный для Франции мир и официальное признание французской республики».

Германская рабочая социалистическая партия 5 сентября 1870 г. выпустила манифест:

«Мы протестуем против аннексии Эльзаса и Лотарингии и мы знаем, что говорим от имени немецкого рабочего класса. В общих интересах Франции и Германии, в интересах мира и свободы, в защиту западной цивилизации против восточного варварства,— германские рабочие не потерпят аннексии Эльзаса и Лотарингии.

С нашими товарищами во всех странах мы останемся верными общему делу: мы будем с ними защищать мировой пролетариат».

Во всех этих перипетиях поведение Бебеля и Либкнехта в рейхстаге, прессе и повсюду было достойно революционеров. В рейхстаге Бебель от имени социалистов прочел следующую декларацию, согласную со взглядами Маркса и Энгельса:

«Настоящая война — война династическая, предпринятая в интересах Бонапарта. Точно так же война 1866 г. была предпринята в интересах Гогенцоллернов.

Мы не можем голосовать за кредиты, которых требует рейхстаг для этой войны, потому что этим оказали бы доверие прусскому правительству, которое своими действиями в 1866 г. подготовило настоящую войну.

В качестве принципиальных противников всякого вида династических войн, в качестве социалистов-республиканцев и членов Международного

союза рабочих, который борется против всякого угнетения национальностей и стремится объединить всех угнетенных в один великий братский союз, мы не можем объявить себя прямо или косвенно сторонниками войны и должны воздержаться от голосования. Мы совершенно убеждены, что народы Европы после горького опыта печальных событий современности будут стремиться завоевать право свободного волеизъявления и положат конец существующему режиму сабли и классового угнетения, который является причиной всех социальных бед».

Ясно, что Бебель и Либкнехт не могли голосовать за военные кредиты, которых требовал Бисмарк, так как по опыту знали, что он ответственен за войну и представляет реакционный класс Пруссии. Но в таком случае, почему они не голосовали против? Это объясняется тем, что вследствие подделки Эмской депеши они верили, что Бонапарт хотел войны. В том, как депеша была подделана Бисмарком, Европа увидела, что Бонапарт искал и провоцировал войну, используя для этого вопрос о кандидатуре германского принца на освободившийся испанский престол. Мы уже говорили, чем был Бонапарт для европейской демократии. Подделка Эмской депеши была каплей, переполнившей чашу, и Бонапарт объявил войну Пруссии. Не зная, что депеша была намеренно подделана Бисмарком для того, чтобы иметь повод к войне, все демократы обернулись против Бонапарта. Это обстоятельство привело к тому, что Бебель и Либкнехт вместо того, чтобы голосовать против предоставления кредитов, подчеркнули, что стоят за уничтожение бонапартизма.

Маркс в письме к Энгельсу от 17 августа 1870 г. подтверждает единство взглядов и действий, которое существовало между Бебелем и Либкнехтом и им. Он одобряет их декларацию в рейхстаге и воздержание от голосования.

Бебель в своих воспоминаниях говорит, что если бы он знал правду об Эмской депеше, он не воздержался, а голосовал бы против. Очевидно, такова должна была быть тактика социал-демократов. Но это не изменяет их совершенно правильной принципиальной позиции.

Ссылаясь на Бебеля и Либкнехта, германские и французские оппортунисты II Интернационала оправдывали свое учение о «защите отечества, подвергшегося нападению», и провели его в жизнь в Священном союзе 1914 г.

ВОПРОС О ВОЙНЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ДО ОБЪЕДИНЕНИЯ

После падения Парижской коммуны французское рабочее движение в течение нескольких лет не проявляло признаков жизни, так как лишилось вождей и борцов, которые были убиты, сосланы или раздавлены ре-

прессиями. Лишь к 1876 г. вновь замечается накопление рабочих сил. В Париже собирается рабочий конгресс, построенный впрочем на путаной, оппортунистической и даже реакционной принципиальной базе. Между этим первым конгрессом и конгрессом в Лионе (1878) произошло одно событие, сыгравшее большую роль в развитии рабочего движения: возвращение во Францию Жюля Гэда и появление его журнала «Эгалите». Гэд, тесно связанный с Марксом и Лафаргом, пытался вернуть рабочее движение на революционный путь; он и его друзья приняли участие в Лионском конгрессе.

Ни на Парижском, ни на Лионском конгрессах не говорилось о войне и позиции, которую должен занять пролетариат в случае ее возникновения, хотя франко-прусская война и ее последствия тяжелым бременем лежали на рабочем классе. Лишь на конгрессе в Марселе в 1879 г. раздались слова по вопросу о войне. Делегат Гренобля заявил:

«Если буржуазия объявляет мир, мы должны объявить войну. Война привилегиям, война буржуазии, война всем бездельникам и паразитам. И то же самое по отношению к патриотизму. Наше отечество—это все трудящиеся. Протянем же руку нашим братьям в России, Германии и сопроводим это единым возгласом: Да здравствует социальная и всемирная республика».

И замечательно, что больше никогда, ни со стороны социалистических вождей, ни в манифестах и призывах партии, ни на конгрессах, разве только из уст Эрве, не прозвучит больше это полное энтузиазма повторение великих слов Коммунистического манифеста, произнесенных неизвестным рабочим делегатом. Наоборот, социалистические вожди опутают этот принцип сетью дополнительных соображений, доказывающих существование отечества у пролетариата. Мы к этому вернемся в дальнейшем.

ВОПРОС О ВОЙНЕ И ФРАНЦУЗСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Конгресс в Марселе может рассматриваться как пробуждение социализма после падения Коммуны. Он явился вместе с тем исходным пунктом организации пролетариата, так как послужил основанием для образования французской рабочей партии, во главе которой стали Гэд и Лафарг.

В программе этой партии впервые во Франции встречается формула: «упразднение постоянных армий и поголовное вооружение народа», которую в дальнейшем можно будет встретить во всех социалистических программах. Интересно рассмотреть объяснения пунктов программы, которыми Гэд и Лафарг оправдывали этот лозунг.

Гэд и Лафарг прежде всего указывали, что постоянная армия «не в состоянии вести эффективную защиту» и что лишь вооружение всего народа может обеспечить оборону страны против захватчиков. Это утверждение само по себе не совсем правильно ставило вопрос. Нужно было сказать: «Общее вооружение народа нужно не только для защиты отечества, подвергшегося нападению, но главным образом для разоружения буржуазии и для того чтобы дать рабочему классу возможность против нее защищаться». И, действительно, в том виде, в каком Гэд и Лафарг поставили вопрос, они показали, что в первую очередь интересовались вопросами национальной обороны. Тем не менее для того времени — дело происходило в 1880 г.— можно считать правильной их позицию по отношению к «оборонительной» войне, потому что хотя франко-прусская война 1870—1871 гг. и замыкает эпоху национальных войн, империализм в то время еще лишь начинал развиваться. Им, спустя десять лет после 1870 — 1871 гг., еще трудно было дать себе отчет в том, что эпоха национальных войн закончена. Если Маркс и Энгельс уже замечали первые ростки новой фазы капитализма, этого нельзя сказать об их учениках, нельзя сказать даже про Бебеля и Либкнехта. Надо также иметь в виду, что старые традиции оборонительных войн глубоко укоренились в рабочем классе и среди социалистов. Наконец, полезно добавить, что настоящая программа была составлена по соглашению с Марксом и Энгельсом.

Поэтому позиция Гэда в вопросе о войне могла считаться для того времени правильной. Но это не значит, что она была правильной позже, когда гэдисты применяли тактику «оборонительной войны» уже после вступления в эпоху империалистических войн.

Патриотизм у них отнюдь не уменьшился, несмотря на их интернационалистские заявления.

Посмотрим, что понимала французская рабочая партия под всеобщим вооружением народа.

Гэд и Лафарг четко выяснили роль и значение постоянных армий, говоря что «смысл их существования—защита капиталистической буржуазии». Армия, которая является классовым орудием, пролетариату не подходит. Нам нужна армия, которая ничем не была бы отделена от народа и не противопоставлялась ему. Как этого добиться? Посредством поголовного вооружения народа, обеспечивая военное обучение детей наравне с научным и техническим просвещением, добиваясь того, что «винтовка, вложенная в руки всех школьников, останется в руках каждого из них по выходе из школы». Вследствие этого нельзя будет противопоставить рабочих «на короткое время ставших солдатами» — рабочим-стачечникам или сражающимся против капитализма.

Отметим недостаток этого плана вооружения народа. Понимая, что винтовка не представляет собою важнейшего оружия новых армий, Гэд должен

БИБЛИОТЕКА
Историческая

был дать решение и для других видов оружия. Но он находит лишь следующее:

«Специальные виды оружия, как артиллерия, инженерные войска и т. д., равно как и генеральные штабы, могут, **без опасности для кого бы то ни было** (подчеркнуто нами), набираться посредством найма и конкурса».

Гэд не замечает, что, говоря «без опасности для кого бы то ни было», он оставляет в руках буржуазии решающее оружие войны, и в особенности войны гражданской. Необходимо отметить этот недостаток, который указывает, что общее вооружение народа на действительно демократической базе и к пользе пролетариата является химерой до тех пор, пока власть находится в руках буржуазии. Это очевидно не значит, что самый лозунг «вооруженного народа» ложен, даже в том случае, если он только вскрывает, что буржуазия для классового господства не нуждается в помощи вооруженных сил. Но социалисты сделали из него средство от всех бед и смотрели на все с точки зрения этого лозунга. Поэтому они уделяли мало внимания пропагандистской работе в постоянной армии, состоявшей в значительной своей части из рабочих. Слишком часто они ограничивались официальными заявлениями в палате депутатов, как напр., формулированное Гэдом требование предоставления военным права голоса и введения рядовых бойцов в военные трибуналы. Это было совершенно необходимо и столь же недостаточно, поскольку не сопровождалось революционной работой среди солдат и рабочих.

По вопросу об отечестве и национальной обороне французская рабочая партия занимала ту же позицию, что и революционеры эпохи национальных войн. В 1893 г. гэдисты в своем манифесте заявляли:

«Нет, интернационализм не унижает и не жертвует отечеством...

Мы не перестаем быть патриотами, вступая на путь интернационализма в целях полного освобождения человечества, точно так же, как в конце прошлого столетия, становясь французами, мы оставались провансальцами, бургиньонцами, фламандцами или бретонцами.

Французские социалисты остались патриотами еще и с другой точки зрения и по другим основаниям, а именно потому что Франция была в прошлом и останется в будущем одним из наиболее важных факторов мировой эволюции».

Напомнив революционное прошлое Франции — Великую революцию Бабефа, Фурье, Сен-Симона, лионских повстанцев 1831 г. и парижских повстанцев 1848 и 1871 гг.,— манифест объявлял, что для защиты этого прошлого социалисты должны быть патриотами, и заканчивал двойственным, внутренне-противоречивым возгласом: «Да здравствует интернационал, да здравствует Франция».

Вскоре после этого, на парижском конгрессе, гэдисты повторили свою декларацию.

Ни Гэд, ни другие социалистические фракции не понимали изменений, которые произошли в структуре капитализма, а если и поняли, то не сделали необходимых выводов. Они не поняли ни политики империализма, ни характера империалистических войн, так как не имеют ничего общего с прежними национальными войнами. При наличии империалистических войн нельзя говорить об «оборонительной» или «наступательной войне». И даже впоследствии, когда они отдали себе отчет в изменившемся положении, когда они заметили, что войны были лишь грабежом и угнетением, они сохранили, хотя и с некоторыми изменениями, свою прежнюю позицию. Правда, в своих утверждениях они не были одиноки. Бебель еще в 1900 г. проповедывал то же о России, которую рассматривал, как столп европейской реакции. Он занимал позицию Маркса, считающего Россию державой, враждебной прогрессу. Но верное во времена Маркса — не верно в 1900 г. В России уже имелось революционное рабочее движение, и всего лишь через 5 лет вспыхнула революция, которая переместила центр тяжести революционного движения Европы на Восток.

Оставаясь на старых позициях национальных войн, Бебель, Либкнехт в Германии, Гэд — во Франции платили, как говорит Зиновьев, «дань старым традициям» (воспринятым от старых времен).

И тем не менее в вопросе войны между Россией и Англией в 1895 г. из-за Афганистана Гэд занимал совершенно революционную позицию. Он желал поражения русского империализма и английского империализма, ибо их поражение должно было привести к значительному подъему революционного движения во всей Европе. Но быть может Гэд потому занимал такую позицию, что Франция не была заинтересована в этом вопросе? Нет никакого сомнения, что позиция социалистов приводила их к положительному решению в вопросе буржуазного отечества. Во всяком случае, если бы они сначала выяснили, кто является нападающей стороной, как это сделал Бебель, изучая восстание готтентотов, то, основываясь на этом, определили бы свою точку зрения. Но этот устаревший принцип, совершенно не соответствовал новому положению, мог вызвать лишь путаницу в сознании масс и поддержать идею «защиты отечества» в «справедливой» войне.

ЖОРЕС

Со своей стороны Жорес распространял те же мысли:

«Если мы, французские социалисты, — писал он, — остались безразличными к чести, безопасности и процветанию Франции, то это было бы не только преступлением перед родиной, но и перед человечеством, так

как Франция, и при том Франция свободная, великая и сильная, необходима человечеству. Во Франции демократия достигла своей наиболее логической завершенной формы — республики: упадок Франции означал бы подъем реакции во всем мире...

Если нашей стране будет угрожать коалиция деспотов или грубая заносчивость алчного народа,—мы первые бросимся к границам, чтобы защищать Францию, кровь которой течет в наших жилах и гордый гений которой представляет собою лучшее, что есть в нас».

Но Жорес прекрасно понимал причины войн. Буржуазный пацифист и республиканский патриот, он все же давал совершенно марксистское объяснение причинам войны, говоря, что:

«До тех пор, пока в каждой нации ограниченный класс людей владеет крупнейшими средствами производства и обмена; до тех пор, пока этим путем класс держит в руках других людей; до тех пор, пока этот класс в состоянии навязывать обществу, которым он управляет, свой собственный закон неограниченной конкуренции, беспрерывной борьбы за жизнь, ежедневных схваток за богатство и могущество; до тех пор, пока этот привилегированный класс, чтобы защищать себя от возможных возмущений массы, опирается на большие военные династии или на специальные профессиональные армии олигархических республик; до тех пор, пока цезаризм в состоянии использовать глубокое соперничество классов для их обмана и господство одних над другими,—используя озверелый народ для уничтожения парламентских свобод буржуазии, а затем и с помощью пресыщенной своей властью буржуазии подавляя пробуждение республиканского чувства народа; до тех пор и пока все это так,—политическая, экономическая и социальная война классов и отдельных личностей в пределах каждой нации будет вызывать вооруженные столкновения между народами. Именно из глубокого противоречия классов и интересов в каждой стране возникают конфликты между нациями.

... Ваше общество, грубое и хаотичное, всегда носит в себе войну— как туча несет в себе грозу — даже тогда, когда хочет мира, когда находится в состоянии видимого покоя».

Может ли быть более точное представление о всех противоречиях капиталистического общества. В этом отношении Жорес нас удовлетворяет, и если бы он был последовательным, если бы он не был «двуликим»,— он должен был бы притти к революционному выводу, неизбежному для марксиста, что пролетариат не должен защищать подобное общество, что во время войны пролетариат должен восстать против своей буржуазии и уничтожить единственную причину войн — капиталистическую систему.

О Жоресе нельзя сказать, что он был во власти представлений, сложившихся в периоды национальных войн. Он ясно видел, быть может даже яснее, чем Гэд, причины и характер империалистических войн.

«Повсюду имеется налицо великое соперничество в колониях, где с полной откровенностью раскрывается принцип великих войн между европейскими народами и оказывается достаточной необузданная конкуренция между двумя банкирскими домами или двумя торговыми группами, чтобы поставить под угрозу мир в Европе».

Как видно, Жорес вполне понимает, что «соперничество между двумя банкирскими домами или двумя торговыми группами» является причиной раздора между империалистическими державами Европы и что речь более не идет о защите «целости национальной территории», о «родине, которой угрожает алчный народ», но все сводится к борьбе между «алчным» французским империализмом против другой «алчной» империалистической державы. Это не мешает Жоресу вновь садиться на старого конька «защиты отечества». И от этого он становится лишь более опасным. После широкого описания классовых противоречий, существующих при капиталистической системе, показав, что эти противоречия приводят к противоречиям между капиталистическими державами, что войны, возникающие вследствие этого, выгодны лишь капитализму и что пролетариат совершенно не заинтересован в защите этих войн,— Жорес приходит к выводу, что нужно защищать буржуазное отечество. Он ясно видит возможность устранить эти войны объединением мирового пролетариата, «но,— добавляет он,— ожидая установления этого международного мира посредством социалистического единения, долг всех социалистов во всех странах защищать свое отечество против всякого возможного нападения».

Именно это и сделали в 1914 г. социалисты всех стран. И Жорес не ограничивается восхвалением национальной обороны,— он не хочет, чтобы «его» родина была в военном отношении слабее, чем родина социалистов других стран.

Мы нередко встретим у Жореса во всей его деятельности эти два направления. С одной стороны, он жестоко обвиняет капиталистическую систему в том, что она является причиной войны, и призывает рабочий класс на борьбу против этой опасности, а с другой — он прилагает все старания к тому, чтобы улучшить оборону страны, дать буржуазии вооруженную силу, не меньшую, чем у других держав, и снабдить французский империализм не только средствами защиты, но и возможностью укрепить и развить свою мощь.

АЛЛЕМАНИСТЫ

Социалистическая партия рабочих революционеров, или аллеманисты, в своем стремлении к уничтожению постоянной армии создала совершенную путаницу. Отправляясь от той же точки, что и Гэд, и требуя упразд-

нения постоянной армии, она представляла эту армию жупелом, более ужасным, чем сам капитализм:

«Армия — это основная причина разорения, нищеты и угрозы войны.

...Армия — главная причина финансового кризиса, распространившегося повсюду.

... Армии вредят сельскохозяйственному и промышленному производству».

Наконец, постоянная армия является причиной всех зол, от которых страдает человечество. Нанося все удары армии, аллеманисты впадали в ошибку, противоположную той, в которую позже впал Гэд, когда он не хотел бороться против милитаризма, говоря, что с исчезновением капитализма исчезнет милитаризм.

Но к чести аллеманистов надо сказать, что они были первыми из тех, кто повел агитацию среди солдат за объединение с рабочими. Они говорили, что армию нужно сделать «предметом специальной пропаганды с тем чтобы передать молодежи наши идеи до ее приобщения к военщине». Соглашаясь с анархистами в том, что армия — это «школа лени, порока и преступления», они хотели воспитать молодежь в самой казарме, сделать из нее пропагандистов социалистических идей, напомнить ей, что она состоит прежде всего из рабочих. Аллеманисты учредили «Солдатский грош», который пересылал солдатам пожертвования, собранные среди рабочих. Это поистине был способ антимилитаристической борьбы, который оправдывал себя много лет.

ПАТРИОТЫ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

Ясно, что корни шовинизма французских социалистов были уже заложены в их лозунге: «защиты отечества, подвергшегося нападению, и в одновременном провозглашении принципа патриотизма и интернационализма. Это тем более верно, что оппортунисты того времени, поссибилисты («возможники», приспособленцы — **Ред.**), не стеснялись проповедывать защиту отечества совершенно так же, как это делали буржуазные республиканцы. И несмотря на разногласия, которые разделяли различные социалистические партии, все они, включая также и Гэда, согласились с программой, объявленной Мильераном на знаменитом банкете в Сент-Мандэ 30 мая 1896 г.:

«Никогда мы не забудем, — говорил Мильеран,—что будучи интернационалистами, мы в то же время французы и патриоты. Патриоты и интер-

националисты — это два звания, которые до нас умели благородно объединить предки французской революции».

То, что правильно для «предков французской революции», уже неверно для их социалистических потомков. Этого не понимали ни Мильеран, ни Гэд, ни Жорес. И если они никогда не забывали, что они «французы и патриоты», то в один прекрасный день они забыли, что они интернационалисты. Как далек был от французских социалистов Коммунистический манифест с его утверждением, что «Пролетарии не имеют отечества»!

ОТ ОБЪЕДИНЕНИЯ ДО ШТУТГАРТСКОГО КОНГРЕССА

Известно, что объединение французской социалистической партии произошло не только на принципиальной почве, но и под давлением Интернационала и соображением удобства (выборы и т. д.). И, действительно, до 1908 г. внутри объединенной партии сохранились прежние отдельные партии. Даже после этого отдельные вожди, окруженные своими последователями, образовывали фракции внутри партии. Но вопросы, кое-как разрешенные на объединительном конгрессе 1905 г., тотчас возникли вновь и вызвали противоречия, которые, внешне сглаженные, сохранились и в дальнейшем. Один вопрос разделил партию на три основных течения французского социализма: гэдизм, жоресизм и анархо-синдикализм; это был вопрос о войне.

Как реакция против растущего оппортунизма партии, анархо-синдикализм, так сказать, исповедывавшийся всей ВКТ (Всеобщая конфедерация труда), проявлялся во все более явных формах. Одним из его видов был протест против патриотизма, его индивидуалистический антимилитаризм: неподчинение, дезертирство, военная забастовка. Это течение скоро проникло в партию под наименованием эрвеизма и завоевало твердую позицию, принудив партию изучить вопрос о войне.

На двух конгрессах, в Лиможе в 1906 г. и в Нанси в 1907 г., обсуждался вопрос о войне для определения позиции партии, в виду ожидавшегося конгресса в Штутгарте, где на повестку дня был поставлен вопрос о войне.

На конгрессе в Лиможе, равно как и в Нанси, были внесены три резолюции: Эрве, Вайана и Гэда. Мы должны рассмотреть аргументы каждого из этих течений.

ЭРВЕ И РЕЗОЛЮЦИЯ ИОННА

Резолюция Ионна или Эрве гласила, что пролетариат не интересует национальная вывеска капиталистического правительства, эксплоатирующего его [1], что интерес рабочего класса в борьбе против международного капитализма; никакой общности интересов между пролетариатом и буржуазией нет,—следовательно, пролетарии не имеют отечества; что они будут драться лишь для того, чтобы защищать коммунистический режим, когда им удастся его установить и, наконец, что они должны ответить «на всякое объявление войны, с какой бы стороны оно не последовало, военной стачкой и восстанием».

Защищая эту резолюцию, Эрве говорил:

«Отечество—это не мать, это мачеха для бедных. Мы не любим отечества в том виде, в каком оно теперь существует. В настоящее время патриотизм объединяет буржуазные классы в каждой стране. Этому патриотизму мы противопоставляем наш: наши соотечественники—это не французские буржуа; наше отечество—это наш класс...

Следовательно, наше право и долг в стране, зараженной патриотизмом, где патриотизм, как закон божий, преподается в школах и служит **опорой для капитализма** (подчеркнуто нами), восстать против него и заявить: «Мы ненавидим нашу родину, мы антипатриоты».

Эрве занимал отчетливую революционную, пораженческую позицию. Он ясно излагал, как буржуазия использует национальные традиции.

«Издавна,—говорил он,—во всех странах Европы правители в своих личных интересах развивают естественное чувство привязанности человека к тому маленькому углу, где он родился; воспитывают это чувство, обостряют, вливают в него яд ненависти к людям, живущим в других странах, и, наконец, добились создания какой-то религии патриотизма... они вызвали ненависть против неверных по ту сторону границы, и подготовили народы к вовлечению в международную бойню, когда это будет соответствовать интересам правителей».

Точно так же Эрве защищал правильную точку зрения, когда его спрашивали, какие он предлагает меры для разрешения конфликтов данной эпохи. Говоря о позиции социалистических партий Норвегии и Швеции в случае войны между этими странами, Эрве заявлял:

---

[1] Это очевидно неверно. Для французского рабочего не безразлично угнетает ли его германская буржуазия, или для немецких рабочих—подвергаться угнетению французской буржуазии. Это уже не просто капиталистическая эксплоатация, а капиталистическая эксплоатация, удвоенная национальным угнетением. Для Эрве национальный вопрос не существует. Между отказом от национальной обороны и отказом признать национальное угнетение есть разница, которую Эрве несознательно стирает.

«Наше решение таково: если шведское правительство объявит войну норвежскому, то долг социалистических партий обеих стран, их социалистический долг в каждой из этих стран—попытаться взять в свои руки средства производства».

В 1905 г. распространились слухи, что германское правительство собирается вторгнуться в русскую Польшу в момент, когда рабочие ведут революционную борьбу в России. Эрве говорил, что германские социалисты должны воспрепятствовать этой интервенции, которая была бы «преступлением против революции», и что русские рабочие должны «продолжать захватывать средства производства, а затем и защищать их против всех и каждого». Жорес на это возражал, что Эрве полон противоречий, так как он должен был бы войти в союз с русскими, кадетами и буржуазией, хотя он не хочет союза с французской буржуазией. Жорес этим показал, что он не понял смысла русской революции 1905 г. и ее мирового значения. Но Эрве ему отвечал:

«Я стремлюсь защищать социальную революцию в России, ту революцию, в которой вы скоро увидите кадетов, стоящих рядом с прежними консервативными партиями».

По отношению к империалистической войне в Марокко Эрве требовал национальной независимости для Марокко. Жорес метал громы и молнии, обвиняя его в том, что он хочет дать марокканцам привилегии, защищая их автономию в то время, когда он не хочет этого для французов.

На всех этих примерах мы видим, что Эрве занимал революционную пораженческую позицию, чего нельзя сказать ни о Жоресе, ни о Гэде. Но возможно, кто-нибудь подумает, что мы хотим поставить Эрве на пьедестал? Ничего подобного. Мы только хотим установить позицию каждого из них. Позиция Эрве, более революционная, чем позиция Гэда и Жореса, ничуть не скрывает от нас его беспринципного авантюризма. Эрве не опирался ни на какую серьезную теорию и не изучал никакой теории. Не опираясь ни на какой принцип, он поддавался влиянию примитивных течений массы и таким образом иногда совершенно добросовестно излагал эти течения. Эрве всегда заменял мышление «глоткой» и массовую борьбу—кулачной расправой воинствующих меньшинств. Если Эрве, несмотря на большие преувеличения, все же был прав в тех вопросах, которые мы сейчас рассматривали, то он был совершенно неправ в мероприятиях, которые он рекомендовал.

Прежде всего Эрве видит возможность вооруженного восстания лишь в момент войны. Вне этого он о вооруженном восстании не говорит. С другой стороны, восстание вспыхнет не по приказу, но подготовляется во время нарастающих боев пролетариата. Далее, его антимилитаризм не положителен, а отрицателен. Он состоит в том, чтобы не итти в казармы, а дезертировать. Именно такое понимание антимилитаризма вызывало неудовольствие социалистов. Эрве полагал, что на случай войны нужно

не являться на мобилизацию, выжидать, покуда часть войск уйдет на фронт, и тогда в тылу можно будет поднять восстание. Он это называл военной стачкой. Его совершенно анархистская концепция лишь обезоруживала пролетариат, способствовала его раздроблению и вела к попыткам организовать с меньшинством путь, который, конечно, был бы легко ликвидирован. Вместо того, чтобы отправиться на любую войну (если ее нельзя было предотвратить заранее) и вести агитацию среди солдат и рабочих, чтобы связать движение воедино и подготовить пролетарское восстание сознательно—вместо применения этого метода Эрве рекомендовал другой, который обрек бы пролетарское восстание только на поражение. Противники коммунизма часто пытаются установить связь между предвоенным эрвеизмом и коммунистической партией. Эта бесчестная подделка не выдерживает критики, если добросовестно изучить тактику и методы коммунистической партии и сравнить их с тем, что рекомендовал Эрве в качестве «самого важного».

ЖОРЕС И ВАЙАН

Жорес и Вайан защищали резолюцию Сены, которая в дальнейшем стала также резолюцией Лиможа и Нанси и которая была представлена большинством французских социалистов международному конгрессу в Штутгарте. Первая часть резолюции давала понять, что социалисты стоят за национальную оборону. Она требовала разоружения буржуазии и вооружения пролетариата посредством вооружения всего народа. Вторая часть подтверждает предыдущие резолюции международных конгрессов и как средство борьбы против войны рекомендует «парламентскую интервенцию, общественную агитацию, всеобщую стачку рабочих и восстание».

Вайан защищал резолюцию, опираясь на решения международных конгрессов. Хотя эта резолюция была наиболее правильной из всех предложенных, она заключала в себе противоречия между первой и второй частью, между защитой отечества и всеобщей стачкой и восстанием. Между прочим, то, что резолюция получила большинство, т. е. была поддержана также голосами оппортунистов, доказывает, что она не оскорбляла их патриотических чувств.

Вайан считал, что нельзя устанавливать единый способ борьбы против войны для всех стран. Нужно применять все методы агитации для привлечения пролетариата, но всеобщую стачку он считал наиболее решительным, уже оправдавшим себя способом. Он не отвергал как метод восстание, но указывал, что оно применимо в некоторых особых случаях

и постоянно сливается со всеобщей стачкой. Но повидимому Вайан рекомендовал свои методы для Франции лишь при условии, что социалисты других стран будут также проводить их у себя.

По Зиновьеву, сокровенное мнение Вайана, Жореса и других заключалось в том, что всеобщая стачка, принятая как метод борьбы для всех партий, может быть легче, чем в других странах проведена примерно в Германии. Они считали, что германская социалистическая партия со своими сильными организациями сможет организовать всеобщую стачку и помешать нападению Германии на Францию. Для них всеобщая стачка была тактикой защиты отечества, а не революционным методом. С другой стороны, французская социалистическая партия, не обладая достаточной силой для проведения всеобщей стачки, не могла бы основательно дезорганизовать страну, а это давало Франции преимущественное положение против Германии. Но немецкие социалисты, у которых чувство «защиты отечества» было ничуть не слабее, чем у французов, и слышать не хотели о всеобщей стачке. Они отказались внести ее в свою программу действий, так как подобно французам думали, что она может быть проведена в Германии, но не во Франции. Таким образом дискуссия вокруг вопроса о всеобщей стачке скрывала стремление каждой страны не ослабить «свое отечество». Конечно с той и с другой стороны не считая оппортунистов, проявлялась лишь бессознательная тенденция, но это не уменьшает заложенного в ней самого пошлого оппортунизма.

Характерно отметить, что говорил по этому поводу Александр Варенн, сторонник резолюции Вайана:

«Я хочу быть таким же антимилитаристом, как немцы, но не больше».

Это мнение разделялось большинством влиятельных социалистов.

Что касается Жореса, то он, применяя свои обычные аргументы, защищал резолюцию Вайана и боролся против резолюции Эрве и Гэда. Он утверждал, что отечество для социалистов существует.

«Что такое отечество?—Это прежде всего блок, в некотором роде сотрудничество классов».

Вот утверждение оппортунизма и сотрудничества классов. Никогда более Жорес не обнажал с такой ясностью свою реформистскую концепцию, как этим заявлением, что теперь у рабочих есть отечество:

«Ошибочно противопоставлять класс отечеству. Рабочие не имеют родины, пока они не являются классом, пока они раздроблены, беззащитны и потеряны среди капиталистов и буржуа..., но по мере того, как они организуются для борьбы, для классовых боев... они получают надежду господствовать и в один прекрасный день, в интересах всех рабочих, овладеть этой родиной. И чем больше рабочие превращаются в класс, тем сильнее у них чувство родины: когда они станут господствующим классом, они будут вполне обладать родиной».

Нет.—Лишь тогда, когда они станут господствующим классом, у рабочих будет родина. Жорес и другие смешивают «эпоху империализма, которая является эпохой разрушения буржуазного отечества мировой пролетарской революцией, с эпохой территориальной агломерации этих отечеств» (Ленин).

Жорес видел средство избежать войны в арбитраже гаагского трибунала. В своих предположениях он всегда рассматривал Францию, как страну миролюбивую, не желающую войны, а Германию, как захватническую, империалистическую, не соглашающуюся на арбитраж и стремящуюся «грубо и несправедливо» провоцировать войну против Франции. Он заявил, что в случае нападения Германии пролетариат во главе с социалистами должен защищать отечество, которому угрожает опасность. Нападающее государство не заслуживает защиты пролетариата, но государство, подвергшееся нападению, должно получить полную поддержку своего рабочего класса. Таким государством у него всегда оказывается Франция. Между тем Жорес дал совершенно правильное объяснение причинам империалистической войны; но всегда его особенностью была непоследовательность.

ГЭДИСТЫ

Гэд защищал по вопросу об отечестве то же мнение, что и Жорес. «До 1848 г.,— говорил Гэд,— можно было утверждать, что пролетариат не имеет отечества. Теперь это более невозможно. С тех пор, как пролетариат получил избирательное право, у него есть отечество. Его отечество — фабрики, станки и все средства производства. Все это **«потенционально»** (в зародыше) принадлежит ему, и он должен сделать лишь одно движение, чтобы это ему фактически принадлежало». Это движение, по мнению Гэда, опустить выборный бюллетень в урну. Гэд показывает, что он совершенно не понял смысла эпохи империализма, говоря:

«С каких пор в современных войнах призывают на защиту собственности? Собственность, совокупность собственности управляет войной, только она парит над войной».

Вот нечто, имеющее лишь весьма отдаленное сходство с марксизмом, что на мгновение было представлено во Франции Гэдом. Но какова же причина империалистических войн,— этого Гэд не говорит.

Резолюция Гэда была проста: она говорила, что не следует откладывать восстания до момента войны, а надо начинать его немедленно; что единственное средство борьбы против войны и милитаризма — уничтожение капиталистической системы, а в ожидании этого «социалистическая

партия должна выполнять свои мировые задачи», добиваясь сокращения военной службы, отказывая в военных кредитах, осуществлять вооружение народа. Это была резолюция «неподвижности», и так ее и квалифицировали. Но, защищая ее, Гэд показал, что она была не только «неподвижной», но вместе с тем ярко оппортунистической. Гэд догматически замкнулся в положении, что «вне захвата власти и установления коллективизма невозможно прекращение войны». Толкуя по-своему решение Интернационала, Гэд говорил:

«Предоставляя буржуазным филантропам их бесплодную пропаганду, Интернационал признал, что раз война—закон капиталистического общества, то не нужно особой военной борьбы против капитализма, и предлагает трудящимся: если вы хотите мира — вступайте в социалистическую партию; это — единственная партия мира, единственная, которая желает мира и может добиться его».

Повидимому, невнимание Гэда к борьбе против войны проистекало у него из недостаточного учета неизбежности войны. «Зачем,—спрашивал он,—говорить о восстании, в связи с событием, столь **спорным** (подчеркнуто нами), как война»? Небезынтересно напомнить, что Гэд это говорил вскоре после марокканских событий, которые едва не вызвали войну между Францией и Германией **после Фашоды, едва не столкнули Францию и Англию;** после угроз стремительного вторжения Германии в русскую Польшу и т. д.

Но если бы война все-таки вспыхнула, тогда (по мнению Гэда) не говорите о восстании, «ибо существует лишь один момент, когда оно невозможно, и это именно после объявления войны, когда общая опасность заставляет отбросить все другие заботы». Конечно, возможны большие затруднения в организации восстания в момент объявления войны, не потому, что «общая опасность заставляет отбросить все другие заботы», но потому что оно не будет подготовлено, потому что война не будет предусмотрена, как ее не предусматривал Гэд, потому что основной заботой социалистов в случае войны явится защита отечества.

«Подобно Жоресу, мы говорим, что в случае нападения, пролетариат должен защищать себя, защищая атакованное государство, но это не значит, что, после того как нападение будет отражено, все вернутся спокойно на свои места на предприятия, оставшиеся в руках капиталистов. О, нет, товарищи... вооруженные мы сумели бы воспользоваться оружием, чтобы передать народу... все средства производства».

Это действительно то, что социалисты обещали в 1914 г., но и этого обещания они не выполнили, когда пролетариат восстал в 1919—20 гг.

Наконец, есть еще один довод, решающий как для Гэда, так и для других социал-демократов. Пораженчество отдало бы наиболее социалистическую страну в руки наименее социалистической. Для французских социа-

листов наиболее социалистической страной была Франция, благодаря тому, что она была республикой, и благодаря революционным традициям. Для германских социалистов это была Германия, благодаря многочисленной социалистической партии, трем миллионам избирателей и мощным профсоюзам. Подите же рассудите их, если можете! Для нас наиболее социалистической страной должна быть та, которая применила бы тактику пораженчества и могла бы благодаря этому разгромить свою буржуазию, но ни французы, ни немцы этого не хотели. И история нам показала, что благодаря большевикам наиболее социалистической страной оказалась Россия.

Мы охотно проведем всеобщую стачку и вооруженное восстание, если вы нам обещаете сделать то же самое,—говорили друг другу социалисты Франции и Германии. Но даже если вы пообещаете, мы не уверены в том, что вы свое обещание выполните. И поэтому мы предпочитаем воевать против вас вместе с нашей буржуазией с тем, чтобы после войны произвести революцию. «Интернационал—организация мира, но не войны»,—говорит Каутский. Это значит, что во время мира он призывает к миру, а во время войны—он сторонник войны «до конца». Во всяком случае, если такова и была скрытая теория и открытая практика оппортунистов, то никогда III Интернационал в своих резолюциях и призывах не **предлагал** такой позиции.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС В ШТУТГАРТЕ

Три приведенные выше резолюции защищались на международном конгрессе в Штуттгарте Эрве, Жоресом, Вайаном и Гэдом. Кроме этих трех резолюций Бебель представил еще одну от имени немецкой партии и некоторых других.

Бебель в своей резолюции утверждал, что войны—следствие капитализма, и что они прекратятся с исчезновением капитализма; что пролетариат должен бороться с военной опасностью, в частности при помощи парламента, отказывая в военных кредитах. Он предложил создать «международный парламент, состоящий из представителей различных государств», обязанность которого заключалась бы в предотвращении столкновений и создании мирового арбитражного трибунала. Пролетариат должен всеми мерами препятствовать возникновению войны, и, если она все же возникнет, то как можно скорее ее прекратить. Каким образом?—Этого Бебель не говорил. Жорес соглашался с этой резолюцией, а это уже много значило.

На конгрессе, в частности, Бебель разбил теорию Эрве, прибегая

к тем же доводам, что и Жорес, Гэд и Вайан. Говоря об отечестве, Бебель заявлял:

«Эрве говорит, что родина—отечество господствующих классов и не интересует пролетариат. Подобная мысль содержится в Коммунистическом манифесте, где говорится: пролетариат не имеет отечества. Но ученики Маркса и Энгельса заявили, что они более не согласны с мнением манифеста и в течение последних лет заняли положительную позицию в европейских вопросах, имеющих национальный характер».

Следовательно, Бебель думал так же, как Жорес и Гэд, что родина стоит выше классов, что понятие отечества не связано с понятием господствующего класса и что в отечестве существует сотрудничество классов. Такое определение должно было привести его к защите отечества. Впрочем незадолго до конгресса германская социал-демократическая партия в декларации, написанной Бебелем, заявляла, что социалисты должны участвовать в защите Германии.

Эрве не ошибался, когда говорил Бебелю: «Мы не ожидали, что вы поднесете текст Карла Маркса под реформистским соусом», а Роза Люксембург от имени русских большевиков резко критиковала Бебеля.

Бебель стоял на старой позиции 1870—71 гг. Он не понимает разницы в положении. Он рассматривал войны под углом зрения обороны и говорил, что теперь людям, следящим за мировой политикой, легко определить, какое государство является нападающим и какое обороняется. Наконец, Бебель отрицал всеобщую стачку, говоря, что в Германии она, во всяком случае, невозможна.

Резолюция, принятая на штутгартском конгрессе, представляла собой смесь резолюций Бебеля, Вайана с дополнениями, предложенными Лениным, Розой Люксембург и Мартовым. Она подтверждала резолюции предыдущих международных конгрессов, давала правильное объяснение причинам империалистических войн, и **ни на мгновение не допускала мысли о защите отечества** (это важно подчеркнуть); она приводит исторический обзор последних событий, где пролетариату удалось помешать возникновению столкновений. Как средство, резолюция предлагает: непрерывную пропаганду против войны, широкую практику международного арбитража, всеобщее разоружение и создание народной милиции. Затем следовали два параграфа, предложенные Ленину, Розой Люксембург и Мартовым. Так как они важны, мы приводим их полностью.

Конгресс заявляет:

«Когда грозит война, рабочие классы соответствующих стран и их представители в парламенте должны, при поддержке Интернационального социалистического бюро, сделать все возможное, чтобы помешать войне такими средствами, которые они сочтут наиболее действительными и кото-

рые, естественно, изменяются, в зависимости от обострения классовой борьбы и общего политического предложения.

В случае, если война все же разразится, они должны активно выступить за скорейшее ее окончание и стремиться всеми средствами к тому, чтобы использовать вызванный войной экономический и политический кризис для возбуждения народных масс и ускорения падения классового господства капиталистов.

В этом дополнении важно то, что оно уже указывает пролетариату на необходимость использовать войну для поражения буржуазии. По существу оно содержит уже мысль Ленина о превращении войны империалистической в войну гражданскую. Эта резолюция, которая нисколько не соответствует затаенным мыслям большинства социалистов, была тем не менее ими принята. Гэд, заявлявший, что во время войны пролетариат должен отложить все свои заботы, Жорес, стоявший за защиту отечества, Бебель, полагавший, что социалисты должны участвовать в защите Германии,— все они голосовали за резолюцию. Это была лишь бесплодная декларация перед лицом мирового пролетариата, но когда социалисты оказывались перед пролетариатом своей страны, они говорили языком совершенно иным.

„НОВАЯ АРМИЯ" ЖОРЕСА

Мы не намерены детально анализировать книгу Жореса и еще менее предполагаем подробно останавливаться на технике организации военного дела, которую он развивает. Нас интересует изучение тех предпосылок, на которые опирается Жорес, предлагая буржуазии проект реорганизации армии.

Жорес полагает, что избежать войны можно тремя путями: прежде всего дав Франции достаточно большую военную силу, которая заранее отпугнула бы всякое нападение извне; далее широким применением арбитража гаагского трибунала и, наконец, в-третьих, при помощи международного объединения пролетариата.

«Новая армия» стремится, по возможности, обеспечить первый пункт. Книга Жореса в основном занята тем:

«Каким образом обеспечить Франции и всему миру, который ее окружает, возможность сохранения мира.—И если, несмотря на стремление Франции к миру, она все же подвергнется нападению, как обеспечить ей шансы на спасение и средство одержать победу?» (стр. 5—6).

Вот на этот вопрос он на протяжении всей книги стремится ответить. Но чувствуя, что задача защиты и нападения французского империализма, разрешенная социалистом, может вызвать недоверие у французской буржуазии, Жорес пытается ее успокоить.

«Как могла бы социалистическая партия достаточно авторитетно предложить методы национальной обороны, которые ей кажутся наиболее действенными, если бы хоть один человек мог заподозрить ее в отсутствии внимания к вопросу о национальной обороне?» (стр. 6—7).

Говоря это, Жорес ссылается на решения национальных и международных конгрессов в том смысле, что Интернационал никогда не давал подобной директивы своим секциям. И он говорит буржуазии: не бойтесь наших международных деклараций, мы интернационалисты, но мы прежде всего французы и патриоты. В дни кризиса вы можете рассчитывать на социализм и на рабочий класс.

«Он (пролетариат) просит вас просто устранить преступление, столь же гибельное для Франции, как и для самого рабочего класса, и это преступление состоит в том, чтобы бросать рабочих в бой против их братьев в других странах, без достаточных на то оснований со стороны Франции (стр. 9).

Мы не будем драться с нашими братьями и в других странах, но если вы нам докажете, что имеете «право» грабить колонии, если вы нам докажете свое «право» завоевывать рынки, эксплоатировать и угнетать, тогда мы пойдем с вами. Совершенно ясно, нужно, чтобы вы «оборонялись», ибо если вы будете нападающей стороной, мы не сможем итти с вами.

НАСТУПЛЕНИЕ И ОБОРОНА

Ставя вопрос об обороне и нападении, Жорес затемняет империалистические устремления французского капитализма. Для него та нация, которая начинает наступление, представляет собой воинствующий и жадный империализм, та же, которая защищается, желает лишь мира, спокойствия и свободы.

«Если завтра вспыхнет война между Францией и Германией, то какова будет ее форма?—спрашивает Жорес.—Несомненно, Германия применит тактику наступления» (стр. 137).

Для Жореса нет никакого сомнения, что французский пролетариат должен будет вступить в войну рядом со своей буржуазией. Вот как Жорес подходит к вопросу о войне. Он не становится на точку зрения классовых

интересов пролетариата, но исходит исключительно из интересов буржуазной нации. Он ищет наиболее верных средств, которыми французский империализм сможет ответить на германское наступление.

Изучая стратегию и тактику германского генерального штаба, план которого заключается в молниеносном наступлении на противника, Жорес пишет:

«Мы видим, что из германского мышления совершенно исключена защита или что-либо похоже на нее. Это будет полное наступление» (стр. 141).

Что должна будет сделать Франция?—Жорес отвечает:

«В виду того, что наступление теоретически имеет шансы на успех лишь в том случае, если оно проведено быстро и даже внезапно, нельзя направлять для защиты границ весь вооруженный народ, так как это потребовало бы слишком много времени и труда» (стр. 147)

В этом случае нельзя и думать о вооруженном народе и неизбежно должна быть создана маленькая профессиональная армия, а этого не следует делать. Нужно, чтобы вся нация была «поставлена под ружье». Нужно, чтобы исчезла «гибельная разница между действующими частями и резервами». В защите, которая должна быть подготовлена задолго до войны, скрыта победа Франции, и при этой тактике большую пользу принесет вооружение нации.

Таким образом, можно сделать вывод, что Германия, вследствие расположения своих военных сил достигла бы больших успехов посредством наступления, в то время как Франция, по тем же причинам добилась бы победы, придерживаясь вначале оборонительной тактики с тем, чтобы впоследствии перейти в наступление. Но в таком случае все доводы Жореса о том, что наступление — тактика «страны, которая хочет играть нечестную игру», а оборона — тактика страны, которая проводит «политику мира и справедливости», — разбита самим Жоресом. Действительно, если Франция добьется победы, применяя тактику обороны,—это не означает, что она проводит политику мира, а указывает просто, что данная тактика наиболее соответствует ее возможностям. Франции достаточно спровоцировать Германию на наступление и «доказательства правоты» будет на ее стороне. «Показатель» стремления к миру или к войне, которым по мнению Жореса, является оборона или наступление, не выдерживает ни малейшей критики, что доказывается самим автором. Но это не открывает Жоресу глаза. Он до такой степени боится войны, он до такой степени стремится любой ценой сохранить мир, что постоянно отожествляет свою волю с волей буржуазии, замаскировывая ее империалистическую политику.

Армия в ее настоящем виде не применима для обороны и ее нужно заменить лучшей армией, включающей всю нацию, демократизированной, которая станет козырем мира в руках французского империализма. Эти принципы Жорес установил в своей книге и в проекте закона, который он внес в палату депутатов. Вот его основные положения:

1. Все граждане в возрасте от 20 до 45 лет подлежат мобилизации. Первые 13 лет они состоят на действительной службе, следующие 6 — в резерве и 5 последних лет — в ополчении.

2. Обучение армии состоит из подготовительного военного обучения детей и подростков, обучения новобранцев, периодических повторных призывов.

3. Подготовительное военное обучение распространяется на детей и подростков в возрасте от 10 до 20 лет.

4. Срок собственно военной службы продолжается 6 месяцев.

5. В течение 13 лет действительной службы солдаты периодически призываются для военных упражнений и маневров.

6. Каждый солдат хранит дома свое военное обмундирование, но не имеет оружия, за исключением восточных пограничных районов.

7. Рабочие организации приглашаются участвовать в расходах на военное обучение детей членов профсоюзов, кооператоров и т. д., которые предназначаются к занятию должностей кадровых офицеров.

8. Эта армия предназначается исключительно для защиты независимости и территории страны.

9. До вступления в войну правительство должно попытаться разрешить конфликт посредством арбитража[1].

Чтобы оправдать свой проект, Жорес ссылается на пример Швейцарии. Он представляет себе вооруженную нацию в виде национальной милиции. Жорес использовал очень плохой пример, ссылаясь на швейцарскую милицию, как на армию, которая якобы не противостоит пролетариату. Напомним, что писал Ленин о милиции в том виде как она организована в Швейцарии:

«Во всяком классовом обществе — будь оно основано на рабстве, крепостной зависимости или, как теперь, на наемном труде — угнетающий класс бывает вооруженным. Не только теперешнее постоянное войско, но и теперешняя милиция, даже в самых демократических буржуазных республиках, как например в Швейцарии, есть вооружение буржуазии против

[1] Мы воспроизводим лишь основные положения закона Жореса. См. стр. 675 и след. „Новой армии".

пролетариата. Это столь элементарная истина, что останавливаться на ней особенно едва ли есть надобность. Достаточно того, что войска употребляются (республиканско-демократической милиции в том числе) против стачечников — явление, общее всем без исключения капиталистическим странам».

Конечно, вооружение народа — правильный лозунг, но лишь при том условии, что вооружается пролетариат и разоружается буржуазия. Франция 1870—1871 гг. имела систему вооруженного народа, хотя и не вполне совершенную, под названием национальной гвардии, которая включила буржуазию и рабочих. Во время Парижской Коммуны национальные гвардейцы из рабочих стояли на одной стороне баррикады, а национальные гвардейцы из буржуазии — на другой. Если бы Жорес хотел вооруженного народа или милицию, которая действительно соответствовала бы интересам рабочего класса, он должен был бы предложить поставить ее под начальство и контроль трудящихся с тем, чтобы они выбирали начальников, отменить суды и допускать к военному обучению только рабочих, в том числе и иностранных.

Предлагавшаяся Жоресом система не могла создать демократической армии под руководством трудящихся и еще менее того — служить вооружению пролетариата. Эта система привела бы к усилению вооружений буржуазии, к росту военного могущества французского империализма. Это настолько верно, что в послевоенные годы французская буржуазия с помощью социал-демократов поспешила создать армию, построенную на принципах, не чуждых системе Жореса.

СОТРУДНИЧЕСТВО КЛАССОВ НА ОСНОВЕ ЗАЩИТЫ ОТЕЧЕСТВА

В идеях Жореса об организации армии реформизм занимает основное место. Армия Жореса построена на принципе сотрудничества классов. Его книга «Новая армия» снабженная подзаголовком «Социалистическая организация Франции» указывает, что он намеревался изложить целую систему экономического и политического устройства, основанного на сотрудничестве классов.

Армия, о которой мечтает Жорес, нуждается в тесной близости с широкими массами, в ее инициативе, ее внимании. «Готовы ли рабочие и крестьяне обеспечить существование армии» — спрашивает себя Жорес. И действительно, вся его система с этим связана. Он разумно замечает, что «весь механизм ни на что не будет годен, если он не будет охвачен энергией и горячностью самого пролетариата». Жорес правильно указывает, что армия является лишь орудием и не представляет собой руководящей силы, будучи подчинена власти. Поэтому она может стать орудием

«воли народа». Да, но посредством чего? — Посредством демократии или революции? — Жорес избирает демократию.

«Военные учреждения применимы в демократии. И если пролетариат, усиливая свое влияние на демократию, изменяет военные учреждения, если он играет в этих реформированных военных учреждениях активную роль, то он не рискует быть захваченным более сильным аппаратом, который изменит его волю» (стр. 442).

Жорес имеет в виду при капиталистическом режиме армию, которая посредством махинаций демократии находилась бы в руках и под управлением большинства, т. е. рабочего класса. Но эта демократия принадлежит всем классам и, чтобы она пользовалась уважением, пролетариат не должен входить в армию в виде отдельного класса, говорит Жорес. Армия должна быть «освобождена от всякого классового духа». Какая великолепная, революционная идея надклассовой армии, являющейся единственной защитой нации, т. е. буржуазии!

Но Жорес отдает себе отчет в том, что это сотрудничество классов в армии невозможно, поскольку пролетариат и буржуазия находятся в борьбе в области труда. Чтобы сотрудничать в армии, нужно сотрудничать также и в других областях, и Жорес заклинает буржуазию стать менее неблагодарной, более широкой, более мягкой, человечной. Он просит ее оказать пролетариату «доверие в форме узаконенного прогресса, посредством которого пролетариат как класс получит доступ к великой современной собственности». В то же время он просит рабочий класс самодисциплинироваться.

Никакое внешнее нашествие, никакое нападение на Францию не будет возможно при такой армии, и если война все же вспыхнет, то Франция выйдет из нее победительницей. Если у буржуазии есть еще сомнение в возможной плодотворности этой новой армии, если она себя спрашивает, какова та моральная сила, которая наэлектризует солдат во время битвы, то Жорес ей указывает средства создать эту силу:

«Надо в самой Франции, всеми средствами республиканской демократии помочь труду завоевать собственность».

Какая наивность и какое простодушие. Если вы хотите, чтобы рабочий класс защищал отечество с энтузиазмом солдат французской революции, — говорит Жорес буржуазии,— то передайте ваше имущество, ваше богатство, вашу власть пролетариату и будьте уверены, что он их защитит. Конечно, пролетариат защитит свое отечество, но это будет уже не отечество буржуазии, которая будет лишена своего имущества и власти **насилием** рабочего класса.

Таким образом, согласно Жоресу, пролетариат имеет отечество в буржуазном обществе. Те, кто это отрицают, несознательны и анархичны. И Жорес, подобно Гэду и Бебелю, нападает на Коммунистический манифест.

«Пролетариат не находится вне отечества. Когда в 1847 г. Коммунистический манифест Маркса и Энгельса провозглашал знаменитую фразу, так часто повторяемую и используемую во всех смыслах и для разных целей: «Рабочие не имеют отечества»,— это являлось лишь страстным выпадом, парадоксальным возражением» (стр. 538).

Гэд и Бебель ошибочно полагают, что этот принцип Манифеста был верен прежде, а в настоящее время пролетариат многое завоевал, имеет политические права и может их проявлять вовне и, следовательно, теперь у него есть отечество. Жорес, со своей стороны, заявляет, что Маркс никогда не был прав в этом отношении, а теперь менее, чем когда-либо. Он продолжает:

«Если Манифест хочет просто сказать, что класс не имеет отечества до тех пор, пока он не является полным хозяином отечества, до тех пор, пока он не завоевал политической власти, он должен был бы заявить по отношению ко всему периоду древней монархии, начиная со скромного появления общин и до французской революции: «Буржуа не имеют отечества» (стр. 533).

Жорес не представляет себе точно, что такое отечество. Для него отечество — это идея, а не нечто материальное. Буржуа — собственники даже во времена феодализма были заинтересованы в отечестве, так как в нем они имели свое имущество. Другое дело — пролетариат. Пролетариат приобретает отечество, став коллективным хозяином всех богатств завоевав власть. И это социалистическое отечество не находится в противоречии с интернационализмом, с солидарностью и объединением пролетариата всех стран. В то же время буржуазное отечество несовместимо с интернационализмом, так как оно отечество эксплоатации и прибыли. Поэтому, если пролетариат в **своем** отечестве должен защищать его против капитализма, то пролетариат в капиталистическом отечестве должен свергнуть свою буржуазию, вместо того чтобы защищать **это** отечество.

КАНУН ВОЙНЫ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

После штуттартского конгресса вопрос о войне вновь рассматривался на конгрессах в Копенгагене (1910) и в Базеле (1912). На этих конгрессах были подтверждены штуттартские резолюции. На конгрессе в Копенгагене Вайан вновь настаивал на методе всеобщей стачки, но потерпел поражение.

Международный конгресс в Базеле, получивший наименование «международного конгресса против войны», был созван в связи с беспокойным

настроением в Европе, предвещавшим войну. Ленин и Роза Люксембург предложили дополнение к штутгартской резолюции, где говорилось, что в случае войны нужно напрячь все силы, «чтобы ускорить падение капитализма в духе Парижской Коммуны, всеобщей забастовки в России в октябре 1905 г. и восстания в декабре 1905 г.». Это была ясная постановка вопроса о превращении империалистической войны в гражданскую. Конгресс выпустил манифест, в котором между прочим говорилось:

«Правительства хорошо знают, что при современном положении Европы и настроении рабочего класса они не могут без опасности для себя начать войну».

В 1910 г. Жорес внес в палату проект закона о реорганизации армии, который мы только что рассмотрели. Но это предложение не обсуждалось, да и не было достаточно популярно.

В 1913 г., в связи с восстановлением закона о трехлетней военной службе, Жорес, Вайан и др. выдвинули, в противовес этому закону, свой проект. Социалистическая партия развила большую агитацию в стране по поводу закона о трехлетней службе, в котором он видел усиление вооружений французского империализма, образование оторванной от народа армии, которая будет угрожать европейскому миру.

Поэтому на конгрессе в Бресте в 1913 г. в порядок дня был поставлен вопрос «о законе трехлетней службы и вооружениях». Вайан, бывший докладчиком, противопоставлял закону трехлетней службы в качестве средства для поддержания мира франко-германское сближение, разбирательство и всеобщее вооружение народа. По поводу этого последнего предложения Вайан привел те же доводы, которые выдвинул Жорес в «Новой армии». Вайан, конечно, докатился в своей защите до национальной обороны, доказывая, что Франция не ведет империалистической политики, но вовлечена в нее «ненавистной политикой» царской России, с которой она связана.

На конгресс прибыл также Эрве, но это было другое издание Эрве. Он не только разбавил свое вино водой, но сделал еще больше. Он уже не говорил о «родине-мачихе», о военной забастовке, о восстании. Нет, он уже говорил о международном разбирательстве (арбитраже) и защите отечества совершенно так же, как Жорес. Чтобы избежать столкновения между Францией и Германией по поводу Эльзасе-Лотарингии, он предлагал оставить Эльзас немцам, а Лотарингию возвратить Франции и срыть укрепления Метца «в обмен на какую-нибудь африканскую колонию». Он более не требовал как раньше удаления французов из колоний, он хотел для них возможно более широкой автономии. Мимоходом заметим, что французская партия никогда не рассматривала колониальный вопрос и все

время ограничивалась вынесением туманных резолюций, выражающих симпатию угнетенным народам.

Говоря об арбитраже, Эрве заявил:

«Если французское правительство согласилось бы внести в конституцию арбитраж для всех случаев, если бы после этого вспыхнула война и немецкое правительство явилось бы нападающей стороной, — тогда я знал бы, что мне нужно делать».

Это значит, он бы защищал буржуазное отечество, на которое так нападал прежде и хорошо будет защищать после 1914 г.

Чем сильнее нависала угроза войны, тем больше французские социалисты, да и не только они, но и II Интернационал, указывали на необходимость использовать международный арбитраж для предотвращения столкновений. Они проявляли более чем неуместное доверие доброй воле империалистов, полагая, что они могли посредством международного трибунала урегулировать противоречия, которые их восстанавливали друг против друга.

Все более и более чувствуется приближение войны. Буржуазия везде приготовляется но социалисты верят в мир, они слишком боятся войны, чтобы заметить, что она действительно наступает. Между тем факты налицо — и нужно действовать.

14 июля 1914 г. собирается конгресс (французской социалистической) партии. На нем обсуждают вопрос о военной опасности. Происходит странное явление: все те, кто были против всеобщей стачки, теперь становятся ее сторонниками. Альберт Тома, правый социалист, сторонник участия в министерстве, Жорес, Марсель Семба и, наконец, Вайан, который был всегда защитником стачки. Гэд остается противником, он повторяет свой старый довод об опасности предать наиболее социалистическую нацию в руки наименее социалистической.

«Это привело бы к разгрому социализма и цивилизации. Никогда всеобщая стачка в военное время не может быть принята сознательным социалистом».

Горячий Эрве также против всеобщей забастовки, потому что, говорит он, в день объявления войны он не нашел бы близ себя повстанцев. Эрве был хорошим пророком. Варенн, который был также против всеобщей забастовки, не находил нужным ее проводить, если она не будет применена также немцами.

Конгресс принял точку зрения Вайана, Жореса и др. и решил применить «всеобщую рабочую стачку, организованную одновременно и в международном масштабе в заинтересованных странах».

Через несколько дней война кажется неизбежной. Австрия послала ноту Сербии, к которой Россия — по словам Жореса — «чувствует глубокую симпатию», и это дает возможность предвидеть, что Россия вступит в конфликт. Но в таком случае Германия будет защищать своего австрийского союзника, а Россия использует свой договор с Францией и Англией. Это — мировой пожар. Жорес в своей речи в Вэзе объясняет причины этого конфликта. Он вскрывает империалистическую политику различных стран. Но хотя эта речь была произнесена всего через несколько дней после принятия резолюции о всеобщей стачке, он не призывает пролетариат подготовиться к ней.

Англия предлагает посредничество в конфликте. Обсуждается вопрос о гаагском трибунале. Социалисты хватаются за эту надежду, как утопающий за соломинку. Они больше и не думают о подготовке всеобщей стачки. 28 июля парламентская социалистическая фракция принимает резолюцию, где говорится:

«Она (парламентская фракция) полагает, что все усилия Франции и Европы должны быть теперь направлены на помощь посредничеству, предложенному Англией, и всякие вооруженные выступления России противоречили бы этой мудрой и благородной задаче».

В то же время партийное руководство заявляло:

«Социалисты... знают, что французское правительство во время настоящего кризиса искренне и честно озабочено устранением и ослаблением риска возникновения столкновения.

В этом проявляется стремление рассматривать Францию, как правую сторону. Социал-демократы делают все усилия, чтобы показать, что французская буржуазия совершенно не виновата в развивающемся конфликте. То же самое делает и Жорес, выступая 29 июля на митинге в Брюсселе, где он заявил:

«Для нас, французских социалистов, выполнение долга легко: мы не должны внушать нашему правительству политики мира, так как оно эту политику ведет. Я вправе сказать, что в настоящее время французское правительство хочет мира и работает для поддержания мира. Французское правительство является наилучшим союзником великолепного английского правительства, стремящегося к миру и взявшего в свои руки инициативу примирения» (поразительные слова!).

Таким образом, Жорес оправдывает два империализма, сильнее всего стремящихся к войне. Социал-демократия уже в разгаре предательства. Прощай всеобщая стачка, призыв трудящихся масс к борьбе против войны, революционные выступления партии, к которой рабочий класс относится

с таким доверием! Теперь единственная забота — это получить у французского правительства заверения, что Франция не хочет войны. Все заняты успокаиванием пролетариата, доказывая ему стремление французской и английской буржуазии к миру!

Эрве, один из первых, перешедший в лагерь шовинистов, обвиняет правительство в том, что оно не готово к войне.

«Ну, что же, — восклицает он, — мы всегда готовы, архиготовы, как в 1870 г.! Значит у нас нет — ни современных орудий, ни военного снаряжения, ни аэропланов, ни беспроволочного телеграфа, ни даже сапог?».

Жорес был убит, и это, без всякого сомнения, помешало ему уйти с головой в национальную оборону; позиция, которую он занимал, вела его по этому пути. Социалистические вожди предпринимали шаги в министерстве иностранных дел. Они получают согласие, «в целях устранения пограничных конфликтов», на отвод войск на 10 километров от границы, чем содействуют усилению легенды о нападении.

Объявлена мобилизация, война началь. Но социалисты слишком заняты вопросом защиты отечества, чтобы выполнить свои обещания всеобщей забастовки и призыва пролетариата к действию.

Семба, который скоро станет министром, выражается следующим образом:

«Мы хотим защищать французскую культуру, но мы не хотим разрушить немецкую культуру».

Вайан, проповедник всеобщей стачки, говорит:

«При наличии нападения социалисты выполнят свой долг перед родиной, республикой и революцией».

Жуо в речи на могиле Жореса говорил, что он будет ждать его участи перед тем, как итти на фронт. Но это были лишь слова. В тылу он принес гораздо больше пользы буржуазии.

Полное падение социалистической партии выразилось в резолюции федерации Сены, где говорилось:

«Как мы всегда указывали, на выступление, направленное против миролюбивой и республиканской Франции ,угрожающее цивилизации человечества, мы ответим всеми нашими силами и всей нашей энергией.

В полном соответствии с решениями международного социалистического бюро французские социалисты направили все свои силы на то, чтобы добиться от своего правительства применения всех мер, направленных к сохранению мира, и даже во время военной катастрофы они останутся верными этому идеалу, враждебными духу мщения, но твердыми в защите прав народов, независимости наций, жизни и цельности Франции».

Нет, французские социалисты, равно как и немецкие, английские и др., за исключением нескольких, не остались верными решениям Интернационала. Эти решения говорили о борьбе против войны до ее наступле-

ния. Французские социалисты применили лишь меры, «относившиеся к верхам»: арбитраж, переговоры с буржуазным правительством. Но они совершенно упустили меры, «относившиеся к низам», т. е. не использовали могущественное оружие, которое находилось в их руках—пролетариат. Они не призвали рабочий класс к прямой борьбе против войны. И когда война наступила, они приняли в ней участие, обещая революцию после войны. Решения Интернационала говорили, что социалисты должны быстро прекратить войну и использовать экономический и политический кризис для свержения буржуазии. Социал-патриоты воздержались от этого, поставив защиту буржуазии выше интересов пролетариата.

Как прав был Зиновьев, когда писал 12 декабря 1914 г.:

«Интернационал никогда не оправдывал и не проповедывал того, что теперь сделали социал-шовинисты в Германии, Австрии, Франции и Бельгии. Простое собрание резолюций Интернационала могло бы послужить лучшим обвинительным актом против оппортунистов, сорвавших эти решения и тем приведших самый Интернационал к краху. Оппортунисты были очень сильны в Интернационале, но не настолько, чтобы от его имени открыто провести тот «патриотизм», которым теперь наперебой щеголяют Гааза и Вайан, Эрве с Зюдекумом. А когда оппортунизм с шовинизмом на время восторжествовали в главнейших европейских странах, II Интернационал перестал существовать.

На смену ему придет новый Интернационал.

ОТ ВОЕННОГО СОЦИАЛИЗМА ДО РАСКОЛА В ТУРЕ

БОЛЬШИНСТВО—ПРЕДАТЕЛИ ДО КОНЦА

«В момент величайшей всемирной исторической важности большинство вождей теперешнего Второго (1889—1914) социалистического Интернационала пытаются подменить социализм национализмом. Благодаря их поведению рабочие партии этих стран не противопоставили себя преступному поведению правительств, а призвали рабочий класс слить свою позицию с позицией империалистических правительств. Вожди Интернационала изменили социализму, голосуя за военные кредиты, повторяя шовинистические (патриотические) лозунги буржуазии «своих» стран, оправдывая и защищая войну, вступая в буржуазные министерства воюющих стран и т. д. и т. п.».

Таковы страстные фразы, которыми Ленин в Манифесте центрального комитета РСДРП в августе 1914 г., клеймил подлых предателей, которые в день мобилизации бросили на ветер, «как клочки бумаги», резолюции Штутгарта, Копенгагена и Базеля, «обязывавшие социалистов всех стран бороться против шовинизма при всех условиях, обязывавшие социалистов на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, отвечать усиленной проповедью гражданской войны и социальной революции (Манифест центрального комитета РСДРП).

И вот, с начала мировой бойни заклеймены эти социал-шовинисты и оппортунисты, которые предали империализму связанный по рукам и по ногам пролетариат.

Подготовленная голосованием закона о трехлетней службе, устройством военных убежищ, путешествиями президента Пуанкаре по стране, беспрерывными кампаниями в печати, темными переговорами и секретными договорами дипломатии, — война не должна была захватить социалистическую партию врасплох. Но как мы указали на предшествующих страницах ФНСРП, погрязшая в тине парламентаризма, зараженная демократическими иллюзиями, до последней минуты стремилась распространять в широких рабочих массах пагубную уверенность в том, что буржуазия полна миролюбивых намерений, вместо того, чтобы поднять рабочих всеми силами против враждебного класса. Французский империализм мог быть покоен: неподготовленный и захваченный врасплох пролетариат должным образом не откликнулся.

УЧАСТИЕ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

4 августа 1914 г. руководящие социалисты без всякой оговорки с энтузиазмом присоединились к священному союзу. В палате депутатов они единодушно голосуют за все предложенные правительством оборонительные мероприятия и в частности — за объявление осадного положения и упразднение свободы печати и собраний. Этой первой сдачи своих позиций оказалось недостаточно. 27 августа два вождя партии вошли в состав правительства: Жюль Гэд — в качестве министра без портфеля и Семба — министром общественных работ.

Постоянная административная комиссия, парламентская фракция, административный совет, «Юманите» приводят патриотические причины этой измены в манифесте, где можно прочесть следующую фразу:

«Речь шла о будущности нации, о жизни Франции. Партия не колебалась».

Значит интересы, будущность пролетариата приносятся на алтарь буржуазного отечества.

Пуанкаре, Вивиани, вся империалистическая и милитаристская клика чудом войны превращены в поборников права и свободы! Социалисты строятся вокруг них, предлагают им свои услуги для борьбы:

«... во имя того, чтобы народы всех стран, вырвавшись из удушающего гнета империализма и военных жестокостей, могли наконец добиться мира, обеспеченного уважением ко всеобщему праву. Это убеждение министры-социалисты передадут всему правительству. Они воодушевят им его работу. Они передадут его героической армии, где теперь сражается цвет нации. И своими настойчивыми усилиями, своим порывом, полным энтузиазма, они одновременно обеспечат спасение родины и прогресс человечества» (указанный манифест).

Под звонкими фразами скрывалось признание полного сотрудничества в начинающейся бойне. Символический жест: Вайан примирился с Муном, погромщиком коммуны.

22 мая 1915 г. Альберт Тома был назначен товарищем министра снабжения. В качестве такового, а впоследствии в качестве министра, он руководил изготовлением военного снаряжения и громил антимилитаристическое движение на фабриках.

«Я с радостью,— говорил он рабочим Шнейдера в Лионе,— выступаю на этой эстраде, построенной из 6-дюймовых снарядов» (6 августа 1916 г.).

Эти слова яркий образчик социал-шовинистского мировоззрения социалистов, исповедывавших «войну до победного конца».

СОТРУДНИЧЕСТВО ПАРЛАМЕНТСКОЙ ФРАКЦИИ

Парламентская фракция, которая фактически руководила политикой партии, не прекращала сотрудничать в деле национальной обороны. Она не только голосовала за военные кредиты, но и при каждом удобном случае отмечала поддержку, которую оказывала правительству. В 6 письмах, адресованных председателям совета, которые до 1917 г. (до Клемансо) сменялись у власти, она не переставала выказывать свое патриотическое рвение. Приведем наиболее характерные места.

В письме от 11 июля 1915 г. Вивиани, заявив, что социалистическая партия, не колеблясь, выполняет свой долг и «продолжает участвовать в организации национальной защиты, беря на себя прямую ответственность» — парламентская фракция указывает, что:

«снабжение еще недостаточно, вооружение, орудия и винтовки, выбывающие из строя, даже неполностью заменяются новыми».

Она требует, чтобы отступления германских армий добились:

«посредством увеличения числа снарядов, организации быстрых передвижений войск; но эти передвижения должны быть тщательно изучены, представляя собой не местные столкновения, которые иногда поглощают лучшие силы, стоящие против неприятеля, и успех которых, не давая результатов, деморализует войска, убеждающиеся в бесполезности их жертв».

8 сентября парламентская группа вновь писала Вивиани:

«Наш враг силен. Мы верим в победу, потому что мы хотим ее, потому что у нас есть воля к победе. Применяя ваши слова, мы не хотим стать игрушкой угнетающего пессимизма. Но, чтобы победить, надо действовать. Мы боимся, что активность правительства недостаточна».

3 декабря 1915 г. она рекомендует Бриану произвести важные перемещения высшего командования.

«Да, говорит она, требуются новые люди, которые сражались бы в первых рядах, охваченные, как во времена Великой революции, глубокой верой в победу, полные доверия к своим солдатам, к урокам, полученным ими во время войны, а не только знакомые с школьной теорией».

И, как-будто было мало таких забот о спасении «отечества», фракция заканчивает заявлением, что она «единодушно озабочена вопросами национальной обороны».

Письмо от 15 ноября 1916 г., адресованное тоже Бриану, начинается так:

«Социалистическая партия озабочена поддержанием моральных сил страны и не менее того заинтересована в развитии материальной стороны национальной обороны».

Когда в тылу и в окопах назревает неудовольствие, как в первые месяцы русской революции, правительство Франции, вынужденное дать обязательство опубликовать документы франко-русского союза, составленные до войны, парламентская фракция 1 июня 1917 г. заявляет председателю совета министров Рибо:

«Социалистическая партия не будет стеснять вашей инициативы и не подорвет позиции Франции неожиданными или поспешными требованиями. Но она утверждает, что в этот решительный час войны, когда союзные народы нуждаются в великом мужестве, чтобы перенести усталость и траур, которые все более увеличиваются, — она считает высшей военной ошибкой и наихудшим преступлением против Франции, что французское правительство поставило себя в затруднительное положение, допустивши бурный скандал, который грозит ослабить сопротивление наступлению».

Эти господа удовлетворяются малым, чтобы успокоить свою совесть. Вместо того, чтобы восстать против режима, они униженно дают советы его вождям. К тому же еще они тщательно указывают, что не хотят ни в коем случае «подорвать престиж... Франции», оставляя этим правительству возможность действовать так, как оно найдет нужным, для того чтобы задушить скандал. Заметим мимоходом, что они ни словом не обмолвились о подписанных во время войны тайных соглашениях.

Надо ли после этого удивляться, что депутаты-социалисты в своем подавляющем большинстве высказались против вступления в III Интернационал и встали в ряды наиболее горячих контрреволюционеров.

«ЮМАНИТЕ» РЕНОДЕЛЯ

С самых первых минут войны «Юманите», которая была уже большой газетой (в 1913 г. имела тираж около 120.000), была отдана в распоряжение французского империализма. Ренодель сменил Жореса. Под его руководством центральный орган партии принял участие в укреплении «морали нации». С невероятным цинизмом, предавая без стыда дело пролетариата, он каждый день выпускал воинственные призывы, бессовестный шовинизм которых ни в чем не уступает патриотическим буржуазным газетам. Рабочий не может без гнева читать истерические выкрики этих вождей. Он не может отделаться от глубокого отвращения к их холопской низости. Нет, рабочий класс не может забыть, что у социалистических вождей — тех самых, которые теперь участвуют в подготовке завтрашней войны и стоят во главе антисоветского и антикоммунистического крестового похода,— еще не обсохли руки и еще каплет кровь, пролитая в защиту буржуазии.

Достаточно привести несколько цитат, чтобы показать, во что превратилась «Юманите» в руках сторонников «войны до победного конца», подобных Реноделю.

«Мужественно будем смотреть в лицо фактам и констатируем лишь, что Франция сделала все, чтобы избежать создавшегося положения» [1].

Военное чудо: вчерашние капиталистические бандиты сегодня выступают с чистыми намерениями.

Царь, палач русского пролетариата, обещает Польше автономию. Тотчас же Семба провозглашает в честь его:

«Это счастливый симптом, что царь пришел к тому убеждению, что он будет сильней в этой великой войне, если народы станут более свободными и будут вправе больше распоряжаться собой... Да, дело союзников— это, поистине, дело Права, раз оно призывает к уважению этого Права. Их победа при таких предзнаменованиях явится новой эрой цивилизации» [2].

«Нет, 1914 г. не увидит конца германского империализма. Чтобы избежать этого оскорбления цивилизации, чтобы избавить старую Европу от этого стыда, ни один француз не откажется пролить свою кровь и пожертвовать своей жизнью».

«Уверенное в победе (гражданское население), оно ждет с нетерпением окончательных побед, которых добьются для него армии республики» [3].

«Вперед, генералы, мы дадим вам людей, вы дайте нам победы!» [4].

«Нужна быстрота и широкий размах.

Быстрота, чтобы объявить отечество в опасности; широкий размах, чтобы набатом созвать на последнюю всеобщую мобилизацию все силы Франции» [5].

«Наша кровь, наша плоть, наша жизнь принадлежит вам».

«Нужно, чтобы через несколько дней не оставался праздным ни один ополченец, ни один резервист».

«Как бы тяжелы не были жертвы, война должна быть и будет доведена до освободительного конца. Самая прекрасная, самая героическая армия, которую когда-либо имела Франция, поддержанная твердой волей нации, даст Франции победу, которая явится ее спасением, спасением Европы, спасением народов, спасением демократии и социализма во всем мире».

Как мы далеки от всеобщей забастовки!

---

1 2 августа 1914 г.
2 13 августа 1914 г.
3 Компер Морель, 2 августа 1914 г.
4 Компер Морель, 26 августа 1914 г.
5 Компер Морель, 29 августа 1914 г.

«То государство, которое, перерабатывая редкий минерал в высокосортную сталь, будет производить с наибольшим успехом смертоносные дальнобойные снаряды, с наибольшей напряженностью разовьет и улучшит свой арсенал смерти, с наибольшей заботливостью организует снабжение и вооружение своих войск, это государство неминуемо раздавит своего противника.

Но чтобы успешно выполнить такое дело, надо мобилизовать все, что есть способного и предприимчивого в стране» [1].

Пришлось в спешке созвать пролетариев, обязанностью которых явилось изготовлять вооружение, снаряды — **«хлеб войны»** [2].

А жизнь и хлеб рабочих? Сегодня, как и вчера, Ренодель о хлебе не заботится. Ренодель председательствует в комитете по изготовлению и вооружению военных аэропланов, которые будут завтра сеять смерть не только на поле битвы, но и в промышленных городах, в то время как Поль Бонкур, повторяя формулу Компер Мореля, требует всеобщей мобилизации для всеобщей войны.

«Женщины 1792 г. изготовляли картечь для армии революции: почему женщины не могут участвовать в борьбе за победу, не сражаясь, но выполняя работу, на которую способны, освобождая этим для борьбы своих братьев, сыновей, мужей. Женщины также принадлежат нации» [3].

Нация? Браке охотно забывает, что речь идет о нации банкиров, крупных промышленников, спекулянтов и барышников всех сортов!

Мы спрашиваем (у правительства), пусть оно ответит—есть ли у него материальные средства для борьбы или нет? Достаточно ли солдат? Достаточно ли винтовок? Достаточно ли пулеметов? Достаточно ли орудий? Достаточно ли аэропланов? Достаточно ли снарядов малого, среднего и крупного калибров? [4].

«Винтовки, пулеметы, легкая и тяжелая артиллерия, аэропланы, взрывчатые вещества, снабжение—вот что нам нужно еще, и еще, и еще. Мы не устанем это повторять на все лады и голоса».

Националист Баррес или презренный Эрве не говорят другим языком.

«Губительные или отравляющие газы, аэропланы большой мощности

---

[1] 9 января 1915 г.
[2] Ренодель, 27 января 1915 г.
[3] Браке, 28 февраля 1915 г.
[4] Компер Морель, 25 сентября 1915 г.

и скорости, автоматическое оружие, построенное на основе новейшей техники, все то, что могут создать физика, химия или механика—все это должно увеличить наши силы» [1].

Вся та же лихорадка во имя опустошения и смерти.

«Кто из нас не сравнивал частенько тяжелую, но славную жизнь солдат в окопах со скромным и однообразным трудом солдат, оставшихся с нами.

Те, которые лежат в этих могилах, не сожалели ли они иногда о том, что судьба их оставила в тылу? Не проклинали ли они слишком близкую старость или слабое здоровье, которое не дало им испытать опьянение боя?

Быть может они смотрели, полные грусти, на батальоны зуавов, горящие желанием украсить новыми именами свои, покрытые славой знамена и не мечтали ли они, невзирая на смерть, пойти вперед на штурм храбрости.

Смотрите, смерть пришла, менее опьяняющая, но более грубая, более безжалостная. Она стерла все, сожаления, и мечты, и все различия: ни нация в своей нежности и в своем трауре по погибшим, ни Франция в вечной памяти их славе не отделяют от тех, которые умерли на фронте, в окопах или в рукопашной схватке, от тех, которые погибли, охраняя наши, несущие месть снаряды, хранившиеся в старом форте. Существует лишь одна честь—это честь исполненного долга, и они эту честь заслужили, и существует лишь одна слава — слава жертвы во имя спасения и величия родины. И эти, как и те, ее заслужили лойяльно, честно, как все наши солдаты, с той минуты, когда одели форму из темного бархата или светлого сукна» [2].

Где найти больше низости и больше цинизма, чем в этой оскорбительной надгробной речи на могилах несчастных жертв империализма? Недостаточно было их убить — Альберт Тома еще издевается над их незакрытыми могилами!

«Война ведется вместе с рабочими; но она ведется также и ими самими с их продуманного согласия, потому что они чувствовали и чувствуют, что из войны могут извлечь пользу для цивилизации» [3].

Какое лицемерие! Война буржуазии служит интересам трудящихся!

«Кажется впервые наши отчеты свидетельствуют о полезном действии наших орудий. Благодаря какой артиллерии, благодаря какому методу получены эти ценные результаты? Артиллерия — была ли она ис-

[1] Ренодель. 20 ноября 1915 г.
[2] Альберт Тома. Речь на похоронах жертв взрыва у Курнеф, 9 марта 1916 г.
[3] Компер Морель, 2 октября 1915 г.

пользована в максимальной степени? Если нет, то почему? Если да, то как можно этот эффект еще усилить?» [1]

«Наши друзья англичане одержали большую победу. Эта победа над немцами, конечно, но кроме того, это — победа над теорией и рутиной.

Атака танков, внезапная, молниеносная, без предварительной артиллерийской подготовки! Это — доказательство того, что во время войны можно найти новые пути, для этого достаточно немного воображения, немного смелости и расчета» [2].

«Продолжатели войны!? А мы всегда с гордостью думали, что приложили усилия к сокращению длительности войны, поддерживая (?) нашим сотрудничеством с военными властями нашей страны мужество восставших народов» [3].

Такова была политика предательства социалистических вождей «большинства», как их тогда называли. Они не переставали защищать ее на собраниях французской социалистической партии, и в течение первых десяти месяцев войны они не встречали открытого сопротивления. Один документ с исключительной ясностью показывает, как они стремились ее оправдать или, вернее, как они стремились скрыть преступность этой политики. Речь идет о резолюции, принятой единогласно на национальном совете 14 июля 1915 г.

В этой резолюции, после утверждения **«незыблемого доверия делу союзников и республиканской Франции»**, после заявления об ответственности центральных держав и невиновности французского, царского и британского империализма,—партия утверждает, что **«она, совместно со всей страной и союзниками, стремится к освобождению территории героической Бельгии и округов Франции, занятых неприятелем, и к восстановлению попранных прав Эльзас-Лотарингии»**. Но чтобы достичь этой цели, **«мы полагаем, что должна быть осуждена всякая мягкость. Начальники и солдаты должны гореть верой в победу. Лихорадочная жажда деятельности должна охватить весь тыл страны, чтобы проявиться на фронте с несокрушимой силой»** [4].

Наконец, резолюция безоговорочно подтверждает **«деятельность административной комиссии и парламентской социалистической фракции с начала войны»** и поручает этим организациям **«продолжать свою деятельность национальной защиты в том же духе непоколебимой твердости»**.

Герои патриотизма, социалисты «большинства» не упускали ни одного случая помочь интересам союзников. Поэтому они стали в решительную оппозицию ко всяким попыткам возобновления международных сноше-

---

[1] Ренодель, 1 июля 1916 г.
[2] Ренодель, 23 ноября 1917 г.
[3] Луи Дюбрейль, секретарь партии, 15 мая 1916 г.
[4] Альберт Тома, 2 ноября 1917 г.

ний между социалистическими партиями. В апреле 1915 г. парламентская группа отвергла предложение швейцарской и итальянской партии начать переговоры между социалистами воюющих стран. В 1917 г. она даже отказалась допустить заседание бюро II Интернационала, как того требовали голландцы в письме на имя Вандервельде. Для сторонников «войны до победного конца» Интернационал был лишь развлечением мирного времени.

ДВИЖЕНИЕ МЕНЬШИНСТВА

Между тем продолжение войны (первоначально предполагали, что она будет длиться лишь три месяца) вызывало глухое неудовольствие среди солдат и рабочих, которое нашло отклик внутри социалистической партии. Сторонники «большинства» ухитрились сохранить руководящие посты до национального конгресса, состоявшегося в октябре 1918 г., но в самой партии, начиная с 1915 г., они встречали сопротивление меньшинства и циммервальдцев. Уже с этого времени в партии наметилось три течения.

Федерация От-Виенна, отражая растущее беспокойство масс, обратилась в мае 1915 г. к другим федерациям французской секции с обращением, в котором заявляла:

«Мы выражаем глубокое сожаление о том, что наши друзья из постоянной административной комиссии не могли более внимательно отнестись к пожеланиям социалистов всей Франции».

Не трудно заметить, что тон обращения совершенно приниженный!

«Можно предположить, что в этом случае некоторые позиции были бы несколько иными. Во всяком случае те, которые добросовестно нас вовлекли в исторические события сегодняшнего дня, оказались бы в таком случае оправданными сохранившимися документами».

Очевидно, расхождения, о которых идет речь, были не очень велики.

«Но, не опорочивая прошлого, мы хотим рассмотреть теперешнее положение.

Прошло девять месяцев войны, и до сих пор нет решительного военного успеха ни у той, ни у другой стороны.

Но хорошо известно, что каждый день несет с собой новые развалины и значительно ухудшает положение, в котором окажется пролетариат на другой день после окончания военных действий.

Не менее хорошо известно, что тысячи жертв погибнут, не достигши победы в том смысле, как ее многие понимают...»

Мы желаем, в интересах социализма, рабочего класса и нашей родины, окончания войны...

Разумеется, мы не требуем мира любой ценой, мы не предлагаем, например, покинуть Бельгию или бросить французские округа, занятые неприятелем...

Но мы не думаем, чтобы в задачи социалистической партии входило доводить войну до ненужных крайностей, занимать воинственную позицию и не слушать никаких речей о мире».

И федерация От-Виенна осторожно протестует против отказа созвать международный конгресс и пленум международного социалистического бюро.

«Нам показалось достойным сожаления, что последовал отказ выслушать тех, кто отнесся вдумчиво к резолюциям наших международных конгрессов».

Далее, федерация заканчивает:

«Мы формулируем свои пожелания следующим образом:

Чтобы французская социалистическая партия не занимала при помощи перьев нескольких журналистов, пишущих от ее имени, столь воинственной и заносчивой позиции, которая граничит с шовинизмом».

Это — кивок в сторону Реноделя, Компер Морель и К°.

«Чтобы она не отвергала и не отметала попыток социалистических секций найти способы покончить с этой ужасной бойней, где течет кровь невинных народов».

По существу совершенно платоническое пожелание, так как ни один из подписавших его не поехал ни в Циммервальд, ни в Кинталь.

«Чтобы она внимательно прислушивалась ко всякому предложению мира, откуда бы оно ни исходило, при условии, что территориальная целость Бельгии и Франции не будет оспариваться при переговорах».

Голос округа От-Риенна несмотря на свою слабость был услышан и вызвал довольно оживленные отклики. Вокруг социалистов сорганизовалось широкое движение, с Лонге во главе, которое на октябрьском конгрессе 1918 г. выдвинуло меньшинство на руководящие посты партии и центрального органа «Юманите».

Укажем сразу, в дальнейшем подтвердив цитатами, что позиция меньшинства в отношении выдвинутых войной проблем представляла собой совершенную путаницу понятий (это относится в первую очередь к цитированному выше докладу От-Виенна). Говоря о мире, они вместе с тем заявляли себя твердыми сторонниками национальной защиты и голосовали за кредиты на военные нужды совместно с представителями большинства. Чтобы спасти единство партии, они беспрерывно уступали Реноделю. В действительности их роль сводилась к тому, что они поддерживали на фабриках и в окопах «пацифистские» и демократические иллюзии. Они выхолостили движение масс против империалистической войны. Они не-

сут тяжелую ответственность за разгром французского пролетариата и за победу буржуазии, поэтому не надо удивляться тому, что Клемансо защищал Лонге и без труда возобновил отсрочку от военной службы журналисту Поль Фору.

В «Популэр де Сентр», ежедневной газете, издававшейся в Лиможе, и особенно в «Популэр Гебдомадэр» (тоже издававшейся в Лиможе до 21 июля 1917 г.) отражались стремления меньшинства и развивались взгляды, содержавшиеся уже в докладе департамента От-Виенны.

Руководящая декларация, которая появилась на первой странице первого номера «Популэр Гебдомадэр» от 1 мая 1916 г., не оставляет никакого сомнения в двусмысленной позиции, занятой меньшинством с самого начала. Там говорится:

«Мы теперь более чем когда-либо сторонники единства и более чем когда-либо—интернационалисты».

Мы хотим, чтобы французский социализм со все возрастающей силой боролся за процветание нашей страны, которая лишь тогда будет достойна зависти, когда даст народу всю свободу и все счастье, на которое он имеет право.

Пусть Франция сохранит место, достойное ее великого прошлого, и пусть ужасные испытания сегодняшнего дня вселят навсегда народу отвращение к войне».

Какое непонимание или, вернее, какое лицемерие!

Франция—выше пролетариата! Умиротворяющая империалистическая война! Сама буржуазия не отказалась бы от подобного языка.

В № 1 Лонге без всякого ехидства (он не замечает, что собственноручно подписывает себе приговор), говоря о национальном совете 9 апреля 1916 г., объясняет причину и происхождение движения меньшинства:

«Движение, которое оно (меньшинство) имеет честь выражать, является поистине стихийным движением пролетарских масс: это напоминание о принципах и настроениях простых солдат, напоминание, адресованное вождям, адресованное всем начальникам. К тому же оно передает настроение в **смягченном, заглушенном виде**[1], отражая многочисленные голоса наших лучших людей, брошенных в пекло и опасность: но кажется, что перед жесткими испытаниями возросли гибкость и сила мысли и сознания, рассеяв туман, окутавший мозг тех, кто остался в тылу».

Вот хорошо сказано! Солдаты готовы выступить (в 1917 г. они выступят одни). Лонге приходит в экстаз по поводу гибкости духа и силы мышления, но он отказывается выступать с ними.

Да и как могло быть иначе? Ведь, в «Популэр» от 28 мая 1916 г. можно прочесть следующие знаменательные слова Жоржа Моранжа:

[1] Подчеркнуто нами.

«Национальная оборона—исключительно важный международный долг... Отказаться от защиты своей нации—значит предать интернационализм!».

Национальная оборона! Национальная оборона! Лонге, Поль, Фор, Мистраль, Фросард, Прессеман — все согласны между собой.

Послушайте, что говорит Поль Фор:

«Кто борется против дела национальной обороны? Кто не интересуется судьбой страны? Разве Интернационал и родина не совместимы? [1].

Они (немецкие социалисты до войны) вели ту же борьбу, которую вели социалисты всех стран.

Они никогда не говорили, что сразу воспрепятствуют возникновению войны. Наоборот, если, говорили они, война возникнет помимо нас, мы отдадим все свои силы на защиту отечества».

Так рассуждали все социалистические партии. Это был тезис Интернационала, который никогда не отрицал права и долга пролетариата защищать свое отечество [2].

Из всего того, что произошло раньше, известны решения Интернационала совершенно другого порядка.

«Социализм — это национальная оборона и защита человечества» (!!) [3].

Послушайте Мистраля:

«Мы согласны (с Браке), что вхождение наших товарищей в правительство было связано с событиями, трагическим положением и затруднениями, в которых оказалась Франция в августе и сентябре 1914 г. [4].

Послушайте Фроссара:

«Будем говорить без обиняков. За исключением кинтальцев, не существует меньшинства, которое не признает достаточными причины, выдвинутые Бризоном и его друзьями для принятия кредитов в настоящую минуту, когда на карте стоит независимость страны. В то время когда семь французских департаментов заняты неприятелем, когда прифронтовые города, в том числе и тот, откуда пишутся эти строки, живут под постоянной угрозой немецких орудий,— совершенно невозможно заявить, хотя бы даже только формально, тем, которые сражаются: мы отказываем вам в средствах защиты» [5].

«Социалистическое меньшинство, не пожелавшее смешаться с теми, которые говорят: «поцелуемся, Фольвилль», обеспечили на завтра возможность решительных действий для нашей партии...

---

[1] «Популэр», 13 августа 1916 г.
[2] «Популэр», 13 августа 1916 г.
[3] «Популэр», 13 августа 1916 г.
[4] «Популэр», 4 сентября 1916 г.
[5] «Популэр», 9 ноября 1916 г.

Меньшинство целиком и полностью отдало себя защите Франции, подвергшейся нападению неприятеля» [1].

Такая политика спасла благодаря агитации меньшинства партию от полного подрыва авторитета в массах и, снабдив капиталистический режим необходимыми ему средствами, явилась одновременно отправной точкой для дальнейшей политической деятельности социалистов типа Фроссара. Возможен ли больший цинизм?

Слушайте Прессемана:

«Раз должны говорить орудия, мы хотим, чтобы они говорили возможно громче» [2].

В вопросе единства, как и в вопросе национальной обороны, меньшинство стоит на той же позиции, что и большинство. Зловещему призраку единства они принесли в жертву интересы рабочего класса; в период 1917—1918 гг., когда масса была готова к бою, они помешали образованию партии классовой борьбы, которая была необходима для превращения империалистической бойни в гражданскую войну.

Они никогда не думали и не хотели порывать с социал-шовинистами.

Несмотря на опыт войны, Поль Фор продолжает заявлять, что он придерживается традиционного социализма:

«Что касается нас, то и после подписания мира мы останемся твердыми сторонниками единства, уверенными в будущем, уверенными в сочувствии массы, убежденными, что социалистическое рабочее единство стало, по выражению Бернштейна, исторической необходимостью, особенно в минуту тяжелейшего кризиса мировой истории» [3].

Хороший предлог, чтобы уклониться от превращения слов в дело, так как по существу сохранение единства означает отказ от раскола с Реноделем, означает согласие следовать за ним до конца.

Прессеман не менее точен, чем Поль Фор:

«Раскол? Пусть другие добиваются раскола или нам его навязывают. Мы не ищем раскола?» [4].

Равным образом и для Лонге единство остается незыблемым:

«Для тех, которые жестоко страдали в течение четверти века при виде разрозненного и слабого французского социалистического движения, которые с 1905 г. боролись с напряженной настойчивостью для создания единства, которые в течение 10 лет шли от успеха к успеху и от победы к победе,— для тех было бы невыносимо видеть разгром нашей организации, единства которой мы добились с таким трудом» [5].

---

[1] «Популэр», 12 февраля 1917 г.
[2] «Популэр», 28 июля 1917 г.
[3] «Популэр», 19 июня 1918 г.
[4] «Популэр», 12 февраля 1917 г.
[5] «Популэр», 26 февраля 1917 г.

Поистине замечательной победой является участие Гэда, Семба и Альберта Тома в правительстве; банкротство и измена социалистической партии перед лицом войны.

О чем бы ни шла речь: о мире ли или о русской революции, наше меньшинство постоянно «забывает» действительные интересы пролетариата, для того чтобы поддержать интересы буржуазии. Для них благо трудящихся не в непосредственной борьбе с капиталистическим режимом. Это Вильсон, представитель гнусного империализма янки, держит его в своих руках. Таким образом, социалисты радостно приветствуют избрание Вильсона, которое для них «является демократической победой», открывающей пути в будущее» [1].

И Пакс (Поль Фор) доходит до того, что находит в послании мессианистического президента чистейшее социалистическое вдохновение.

Предложенные средства (установить мир),— захлебывается он от радости,— наши старые знакомые: Лига наций, ограничение и контроль над вооружением, создание международных арбитражных трибуналов, свобода народов располагать собой.

Аплодируем обеими руками [2].

Впрочем на съезде партии в декабре 1916 г. «меньшинство» голосовало за резолюцию, в которой можно было прочесть:

Социалистическая партия требует у французского правительства и у правительства союзников ответить президенту Вильсону, что, желая мира, но приняв и мужественно поддержав войну, они готовы объявить свои взгляды на условия восстановления мира и что они немедленно согласятся на всякое решение, которое, положив конец злоупотреблениям силой, при содействии нейтральных стран организует в цивилизованном человечестве свободное общество.

Следуя взглядом за Вильсоном, от которого они ожидали благодетельных чудес, Лонге, Поль Фор и их друзья должны были поддержать меньшевиков и бороться с большевизмом, когда разразилась русская революция. В этом отношении предательство Поля Фора еще отвратительнее, потому что в течение некоторого времени в 1917 г. он защищал в газете «Популэр» большевистскую политику и вслед за этим снова погряз в рутине контрреволюции.

Лонге сначала поддерживает правительство Керенского и видит спасение революции в созыве учредительного собрания.

Даже Раппопорт в тот период сомневался в правильности политики Ленина. Он писал в «Популэр» от 28 июля 1917 г.:

«Он (Ленин) летит, как разрывная пуля. Пуля не рассуждает. Спросите у Эрве.

---

[1] «Популэр», 9 октября 1916 г.
[2] «Популэр», 12 февраля 1919 г.

Выборная кампания в учредительное собрание должна начаться сейчас же. Запоздание с ее созывом злополучно. Россия не одна. Ленин ошибается, думая, что Россия, отсталая с экономической точки зрения страна, может стать во главе социалистической революции».

Каким бы ни было уважение, с которым следует относиться к такому марксисту, как Рашпорт, нельзя не заметить, что он грубо ошибся в своих предположениях. Небывалый успех пятилетнего плана, разящий мировой капитализм в самое сердце, неопровержимо доказывает, что «Россия — страна, отсталая с экономической точки зрения», победоносно стала «во главе социалистической революции».

ЦИММЕРВАЛЬД И КИНТАЛЬ

Несмотря на маневры социал-шовинистов всех стран, старавшихся помешать возобновлению международных сношений, первый контакт был установлен на базе классовой борьбы. Действительно с 5 по 8 сентября 1915 г., по инициативе итальянской и швейцарской социалистических партий, в Циммервальде состоялась конференция, на которую были приглашены все интернационалисты, не согласные с социал-патриотами и объявившие себя сторонниками революционной борьбы против войны. Это и послужило первым шагом. В конце апреля 1916 г. в Кинтале состоялась вторая конференция.

В Циммервальде выявились два направления. Во главе большинства находились Ледебург (Германия) и Мартов (русский меньшевик). Эта группа осуждала политику социал-патриотов и признавала необходимость классовой борьбы даже во время войны. Но она отказывалась принять тезисы Ленина, который провозглашал усиление этой борьбы вплоть до гражданской войны, вплоть до пролетарской революции и считал обязательным перед массами сорвать маску с вождей-предателей, порвать с ними и организовать новый Интернационал.

Несмотря на эти важные расхождения, «левая» подписала манифест, подводивший итоги прениям, ибо, как говорил Ленин, это уже был «прогресс». В то же время она развила энергичную деятельность против колебаний большинства и его желания вести переговоры с оппортунистами. Эта работа оказалась успешной. Через год после этого ленинская «левая» получила в Кинтале относительное большинство.

Присутствовавшие на двух конференциях французские делегаты примкнули к правой. Это были: в Циммервальде — Мерхейм и Бурдерон, и в Кинтале — Бризон, Александр Блан и Раффен-Дюжан,— все трое депу-

таты парламента. Они организовали **Комитет для возобновления международных сношений.** Но ни те, ни другие не переставали занимать позицию колеблющихся. Мерхейм—секретарь федерации металлистов (господствующая во время войны промышленность), действительный вдохновитель и один из наиболее авторитетных лидеров конфедеративного меньшинства, саботировал стачки 1917 и 1918 гг., попряз в вильсонизме и превратился в одного из ожесточеннейших противников коммунизма и советской революции. Бурдерон же не замедлил вернуться к социал-демократии. Раффен-Дюжан всегда проявлял себя нерешительным и непоследовательным. Не заявлял ли он в апреле 1918 г. в парламенте по поводу призыва девятнадцатилетних:

«Борцам, задерживающим ужасный германский натиск, мы кричим: смелей!»

А на национальном съезде партии в октябре того же года не восхвалял ли он Реноделя, чьи **«старания усилить наши вооружения, особенно танками, приносят такую честь партии».** Только Александр Блан умер верным революционному интернационализму.

Бризон же, благодаря своему еженедельнику «Ла Ваг», имел на массу очень большое влияние. Мы должны особенно выявить роль, которую он играл, не только потому, что он был наиболее видным лидером «левого» крыла французской социалистической партии, но также и главным образом потому, что его писания свидетельствуют о путанице, царившей среди наших циммервальдцев и кинтальцев. В действительности Бризон и его группа ни на минуту не воодушевлялись истинно революционным духом: они целиком сохранили социал-демократический отпечаток до такой степени, напр., что в 1918 г. они присоединились к центристской резолюции Поля Фора под предлогом, что Лорио своей непримиримостью играл на руку Альберту Тома.

Впрочем, Бризон никогда не призывал к непосредственной борьбе против империалистической войны. Он стоял на точке зрения сентиментальной и по существу националистической.

Когда просматриваешь комплект газеты «Ла Ваг», тираж которой достигал трехсот тысяч экземпляров, которая была первой французской газетой, имевшей рабочих, крестьянских и солдатских корреспондентов, которую вырывали друг у друга на заводах и тайком передавали друг другу на фронте, то отдаешь себе отчет, жертвами какого злоупотребления и доверия пали тысячи пролетариев, когда воодушевляемые военным социализмом оппортунистов «меньшинства» вроде Лонге — Поля Фора, они возлагали на «Ла Ваг» все лучшие надежды на революционное оздоровление рабочего движения.

В действительности же Бризон в качестве лидера меньшинства тормозил порыв рабочих. Участник национальной обороны с первых дней авгу-

ста 1914 г. он оставался таким до конца. Он признал это с трибуны парламента в декабре 1918 г.

«А! — воскликнул он, — если бы мы вели во Франции лишь войну войне, в то время когда все германские социалисты принимали бы участие в ожесточенной войне, то на деле мы совершили бы деяние, которое обернулось бы не только против Франции, но и против трудящегося класса Франции и против будущности рабочего класса! Но мы этого не сделали, и я этого не делаю и сейчас!»

Крестьянину, который **«спас Францию потом и кровью»**, Бризон хотел дать **«землю Франции»**, но возместив убытки ее настоящим владельцам. **«Социалисты не воры»** (!!) [1]. Он также был вильсонистом.

Пусть Вильсон, время и нажим со стороны жертв,—говорит он,—заставят захватчика территорий **проглотить:**

разоружение,
сокращение армий,
упразднение силы дипломатов и создание мирового суда наций![2]

Для него спасение пролетариата заключается в... избирательном бюллетене!

Наступают новые времена,—возвещает он...

«Роль бойца?—она заключается в восстановлении порядка, который перевернет все в доме после великого возвращения, после чистки парламента путем ближайших выборов» [3].

«Мы хотим,—заявляет он еще,—набрать пацифистские армии социальной республики. С хлебом и свободами трудящиеся смогут не спеша итти к завоеванию власти и собственности, к социалистической республике» [4].

Накануне выборов в палату депутатов он уточняет свою мысль в статье, озаглавленной «Охотничье свидетельство». Обращаясь к рабочему, он говорит:

Твое охотничье свидетельство—это право вступать в профсоюз, право голосовать, которое правительство штыка у тебя еще не украло.

И твое охотничье ружье—это профсоюзный билет. Твоя «блиндированная пуля»—это твой красный избирательный бюллетень!

С нами (с избирательными бюллетенями — **Ред.**), если их будут миллионы, можно стать хозяевами [5].

Не удивительно, что Бризо ничего не понял в большевизме. Его расхождения с Лениным были таковы, что, вернувшись из Кинталя, он говорил, что был принужден **«защищать шаг за шагом Францию от Ленина»**.

---

[1] «Ла Ваг», 31 октября 1918 г.
[2] «Ла Ваг», 16 февраля 1918 г.
[3] «Ла Ваг», 7 ноября 1918 г.
[4] «Ла Ваг», 14 ноября 1918 г.
[5] «Ла Ваг», 9 октября 1919 г.

Вообще говоря, Бриэ не был опасным для буржуазии. Наоборот, можно сказать, что он помогал ей своей сентиментальной, мелкобуржуазной выборной дематогией, в результате которой массы свернули с революционного пути тогда, когда они были готовы решительно следовать по нему.

ДИСКУССИЯ О ПРИСОЕДИНЕНИИ К III ИНТЕРНАЦИОНАЛУ

Основание III Интернационала в марте 1919 г. решительным образом поставило перед французской социалистической партией вопрос об ее ориентации с международной точки зрения.

Несмотря на большие недостатки, о которых мы только что говорили, Комитет для возобновления международных сношений тем не менее сыграл очень важную роль. Его кампании в «Журналь дю Пепль», органе авантюриста Анри Фабра, страницы которого были для Комитета открыты, находили в массах живые отклики.

Комитет приобретал значение с каждым национальным совещанием или съездом. Наиболее решительные из его элементов с момента создания Коммунистического интернационала сгруппировались в так называемый «Комитет III Интернационала», который, высказываясь против национальной обороны при капиталистическом режиме и, защищая Октябрьскую революцию и диктатуру пролетариата, организовал во Франции первую коммунистическую ячейку, энергичная работа которой подготовила присоединение в Туре.

На чрезвычайном апрельском съезде традиции II Интернационала взяли верх над предложением немедленного присоединения, внесенного Комитетом III Интернационала.

Между тем итальянская социалистическая партия, швейцарская партия и германские независимые вышли из II Интернационала. Их решение вызвало сильное волнение в рядах французской партии. В то время как старое «большинство» горячо защищало традиции II Интернационала, «меньшинство», превратившееся, в «реконструктивистов» (либо они хотели на развалинах Второго вновь построить единый Интернационал), подражая независимым Германии, проповедывали простой уход, на основании которого были бы в дальнейшем возможны переговоры для оформленного присоединения к III Интернационалу.

При таких условиях открылся Страсбургский конгресс (с 25 по 29 февраля 1920 г.). Недомолвки, нападки «реконструктивистов» на большевизм, их «осторожность» к советской революции ясно показывали цель, к которой они стремились. Они абсолютно не порывали идеологических нитей, связывающих их с реноделистами. Но они опасались оказаться выброшенными за борт массами партии, состоящими из солдат, питающих отвращение к войне, и из молодых сил вроде Реймонда Лефевр, горячих революционеров, для которых II Интернационал был мертв и которые в своем энтузиазме по отношению к Октябрьской России инстинктивно повернули к III Интернационалу. Кроме того, будучи ловкими политиканами, они маневрировали, дабы выиграть время под предлогом сохранить в партии максимум единства.

В Страсбурге, объявляя о падении II Интернационала, они вели за собой группу «Ви Сосиалист» (Ренодель) и жестоко нападали на Комитет III Интернационала по вопросу об исключениях, о диктатуре пролетариата и о национальной обороне. Лонге, обличенный Лениным и лидерами III Интернационала, связал свою судьбу с судьбой Реноделя и со своей стороны возобновил совместно со своими друзьями нападки старого большинства на Лорио и Комитет III Интернационала.

Фроссар, генеральный секретарь партии (реконструктивист), в своем докладе о международном положении уклонился от осуждения III Интернационала и не промолвил ни слова о II Интернационале; но он любезно распространялся о политике швейцарской партии и о независимых Германии. Он цитировал слова Гримма (Швейцария), что **«не следует допускать причисления к изменникам тех, кто не хочет присягать на московском евангелии».**

И в то время как Ренодель открыто защищал II Интернационал против диктатуры пролетариата, за «демократию», за всеобщее избирательное право, Поль Фор от имени реконструктивистов заявлял:

«Мы хотим покинуть II Интернационал, но все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы существовала лишь одна рабочая и социалистическая организация, которая была бы действительно международной».

По обыкновению лицемерно жонглируя словами, для того чтобы замаскировать свое отступление, он в действительности работал против III Интернационала. В частности особенно значительной является последняя часть его речи: он восхваляет реформизм и **«отождествляет социализм и общие интересы страны».** Поль Фор за национальную оборону и после того, как он попытался дискредитировать Лорио, Реймонда, Лефевра и Вайан-Кутюрье, он демагогически заканчивает, отказываясь принимать участие в **«авантюре искусственных родов, где еще раз прольется священная кровь рабочего класса».**

Сторонники немедленного присоединения к III Интернационалу очутились в затруднительном положении — лицом к лицу с объединенным фронтом реноделистов и реконструктивистов. Против них было больше чем две трети конгресса. Отсутствие единства взглядов принуждало их лавировать вместо того, чтобы сразу взяться за разрешение проблемы. Так, Луиза Соммоно утверждала, что она лично была против исключений; Раффэн-Дюжан осыпал комплиментами II Интернационал; примыкая к Третьему, он призывал всех к единству и отказался исключить Лонге.

У самого Лорио нехватало твердости [1]. Вместо того чтобы энергично разоблачить «военный социализм» и путаницу во взглядах реконструктивистов, он сделал уступки Ренделю и Лонге.

Лорио признал, что **«доктрина поражения могла быть приемлема для России, но не для Франции»**, и что его друзья и он не примкнули к этой доктрине во время войны, так как им **«казалось, что это призыв к революции на трупах 20 миллионов пролетариев»**. Он объявил также, что Ленин обличил центристов и в частности Лонге только от своего собственного имени, но не от имени национального коллектива или Интернационала. Возможно, он этим предполагал не порывать с низовыми элементами, следовавшими за вождями-реконструктивистами, в надежде привлечь их впоследствии на свою сторону. Даже в случае правильности такого предположения его речи в конце концов могли лишь укрепить позицию тех, кого он хотел побороть.

При голосовании противники присоединения к III Интернационалу объединились вокруг предложения Северной федерации, которая рекомендовала простой и ясный уход из II Интернационала. Леон Блюм предложил поправку, перебрасывающую мост между реноделистами и лонгистами. В последний момент Ренодель дезертировал, приняв без оговорок резолюцию реконструктивистов.

При голосовании предложение реконструктивистов получило 3.031 голос, из которых 732 за поправку Блюма; третьеинтернационалисты получили — 1.621 голос.

КАШЕН И ФРОССАР В МОСКВЕ

Соотношение сил должно было быстро измениться в пользу Комитета III Интернационала. В большой степени этому способствовали майские стачки и поездка в Москву Кашена и Фроссара.

[1] У Лорио к тому же не было ясного понимания марксизма-ленинизма. Впоследствии партия должна была изгнать его из своих рядов за социал-демократические и троцкистские тенденции.

Известно, при каких условиях разразилась большая стачка 1920 г. В начале года революционный толчок взволновал рабочие массы. Железнодорожники встали на позиции борьбы. Их апрельский съезд ввел в правление Федерации синдикалистов революционного меньшинства Монмуссо и Мидоля. Железнодорожники в полночь 30 апреля объявили всеобщую забастовку, имея формальное обещание, что они будут поддержаны Всеобщей конфедерацией труда.

Жуо, в согласии с правительством Мильерана, употребил все силы на то, чтобы подавить движение. Тактика «последовательных волн», заключавшаяся в поддержке железнодорожников и вовлекавшая в борьбу крупных промышленников, постепенно способствовала этому маневру, тем более, что изменники из большинства конфедерации без конца призывали рабочих **«не выходить на улицу», «сохранять спокойствие» и «не нарушать порядка».** В этом торможении им оказали помощь реконструктивисты, стоявшие во главе партии. Под предлогом, что стачка носила характер экономический, эти последние ограничились тем, что выразили свое согласие с ВКТ, и «Юманите» была предоставлена в распоряжение Жуо. Это было окончательным поражением железнодорожников, которых тысячами преследовали и уничтожали.

В авангарде рабочего класса исчезли последние иллюзии. Наиболее сознательные пролетарии отдали себе отчет в необходимости срочного оздоровления профсоюзов и организации действительно революционной партии.

Под видом «заговора» правительство за время стачки арестовало товарищей из профсоюзного меньшинства и руководства Комитета III Интернационала. Социалистические вожди не начали никакой реальной борьбы для их защиты. Эта несостоятельность ясно показала революционным рабочим, что реконструктивисты, объявляющие себя защитниками их общих интересов, точно так же, как и былое «большинство», постыдно обманывали их.

Таким образом в низах партии все с большей силой развивалось течение в защиту русской революции и за присоединение к III Интернационалу.

Поездка в Москву Кашена и Фроссара сделала это неизбежным.

Страсбургский конгресс решил послать в Москву делегацию, полномочную установить отношения с руководящими органами III Интернационала. Делегация должна была выполнить следующее: 1. Поставить перед русской большевистской партией и руководством Коммунистического интернационала вопрос о возможности их присоединения к восстановлению международного социалистического единства (здесь ясно проглядывает рука реконструктивистов). 2. Собрать наиболее точные сведения о положении в России и ее политических, экономических и общественных организациях. С таким поручением в июне 1920 г. уехали Кашен и Фроссар.

В первых числах июля национальный съезд партии, происходивший в Булони, уполномочил их присутствовать с совещательными голосами на предстоящем в скором времени втором конгрессе Коммунистического интернационала.

21 июля «Юманите» опубликовала телеграмму двух путешественников, в которой они сообщали, что они лично считают, что **«присоединение к III Интернационалу необходимо».**

Это сильно всколыхнуло болото лонгистов и реноделистов.

Блюм, Брак и Ренодель разразились в «Юманите» громкими криками, в то время как Верфей, как истый примиренец, старался их успокоить.

Но в партии, особенно в Сенской федерации, новость была радостно принята. Лидеры реконструкции открыто объявили о том, что они за присоединение.

Опубликование в «Юманите», хотя и неполное, тезисов и дискуссий II конгресса Коминтерна по вопросам о диктатуре пролетариата, об условиях присоединения, о парламентаризме и по национальному и колониальному вопросам популяризировало программу и тактику Коминтерна.

Парижский пролетариат торжественно принял Кашена и Фроссара, когда 13 августа они в парижском цирке отчитывались в своей поездке и призывали защищать Советскую Россию, которой грозила опасность. Этим митингом началась в «Юманите» и по всей стране широкая кампания, во время которой Кашен и Фроссар при всеобщем энтузиазме подготовляли присоединение партии к III Интернационалу.

С этого момента дискуссия углубляется. Идейные и прочие противники присоединения, правые и реконструктивисты теряли почву. Их страсбургский маневр выиграть время и еще раз выиграть время — сделался невозможным. Их увертки, их отсрочки, их ускальзывания напрасны, если члены низовых организаций в подавляющем большинстве не колеблются. Они вынуждены были в течение пяти месяцев, предшествовавших Турскому конгрессу, сбросить маски и показать свое настоящее контрреволюционное лицо.

---

1 УСЛОВИЕ

Вспомним кратко для уяснения дальнейшего сущность условий вхождения в Коммунистический интернационал, сформулированных вторым конгрессом. Они появились в «Юманите» от 8 октября 1921 г. Их 21 статья относились к следующим моментам:

1. Партийная пресса должна проводить линию, соответствующую политике партии.

2. Присоединившиеся организации должны отстранить реформистов и центристов от всех ответственных постов (партии, профсоюзов, парламентских фракций, кооперативов, муниципалитетов) и заменить их испытанными коммунистами.

3. Наряду с легальными органами необходима организация нелегальных органов партии.

4. Антимилитаристская работа должна быть действенной и проводиться нелегально.

5. Систематически должна вестись агитация в деревне (союз пролетариата и крестьянства).

6. Коммунисты должны вскрывать социал-пацифизм (Лига наций).

7. Окончательно порвать с реформизмом и центристской политикой.

8. Поддерживать освободительное движение колониальных и угнетенных народностей.

9. Сорганизоваться в ячейки, чтобы завоевать для коммунизма профсоюзы.

10. Борьба с желтым Амстердамским интернационалом.

11. Просмотр состава парламентских фракций для изъятия из них сомнительных элементов и действительного подчинения фракции центральному комитету партии.

12. Структура коммунистических партий должна быть основана на демократическом централизме.

13. Партия периодически подвергается чистке.

14. Безоговорочно поддерживать советские республики.

15. Они будут иметь коммунистическую программу.

16. Они признают для себя обязательными постановления конгрессов Коминтерна и его исполкома.

17. Присоединившиеся партии примут название «коммунистических».

18. Они обязуются печатать в своей прессе важные официальные документы ИККИ.

19. В связи с присоединением они созовут съезд.

20. Их центральные комитеты будут на две трети составлены из товарищей, которые еще до второго конгресса открыто объявляли себя сторонниками присоединения.

21. Те из присоединившихся, которые не выполнят условий и тезисов, установленных КИ, должны быть исключены из партии.

С другой стороны, второй конгресс в письме, составленном Лениным и адресованном к **членам социалистической партии и ко всем сознательным пролетариям Франции,** разбирал дело военных специалистов (Реноделя, Тома, Семба и т. д.), которые **«отравляли разум солдат и рабочих»,** принимали **«ответственность за империалистическую бойню» и «помогали французским капиталистам организовывать кампании белогвардейцев, объявивших войну рабочему классу и крестьянству России».**

Письмо также доказывало, что **«речи Лонге, Фора, Прессемана и других лидеров о защите партии на Страсбургском конгрессе очень близки к социал-патриотизму»**. Письмо возвращалось, наконец, к главнейшим тезисам и условиям.

Легко предвидеть, что подобные документы произвели смятение и вызвали озлобление в лагере реконструктивистов и друзей Реноделя. Но в рядах партии письмо обсуждалось с энтузиазмом. Наконец путь обозначился.

РАСПАД РЕКОНСТРУКТИВИСТОВ

Присоединение Кашена и Фроссара к III Интернационалу также нанесло «реконструкции» тяжелый удар. Комитет раскололся на три части. Многие последовали за Кашеном и Фроссаром.

Другие, как Прессеман, Майер, Лонге и Поль Фор объявляли себя еще неумолимыми реконструктивистами.

3 ноября 1920 г. «Юманите» опубликовало текст предложения присоединения, **«редактированный, утвержденный и одобренный комитетом III Интернационала и фракцией Кашена — Фроссара, вышедших из Комитета восстановления интернационала»**.

Эта резолюция представляла собой резюме тезисов второго конгресса применительно к положению во Франции. Она расстраивала козни, которые пытались тонко строить противники Коммунистического интернационала. Это был решительный шаг вперед.

С момента своего основания в начале марта 1920 г. «Бюллетень Коммюнист», официальный орган Комитета III Интернационала, вел упорную идеологическую кампанию и успешно отвечал на низкие выпады Форов и Лонге. Несмотря на неблагоприятные условия борьбы (Суварин и Лорио были в тюрьме; реконструктивисты располагали ежедневной газетой «Популэр»), со всех сторон притекали ободряющие новости. Как в Париже, так и в провинции секции выносили предложения о присоединении.

Одновременно благоприятно подействовали некоторые внешние события. В конце сентября, на конфедеральном конгрессе в Орлеане, несмотря на отсутствие Монмуссо (заключенного в тюрьме Сантэ), несмотря на гнусную речь Мерхейма, меньшинство получило по вопросу о **профсоюзной ориентации** 642 голоса против 1.478 голосов большинства при 83 воздержавшихся. Для тех, кто помнит о разложении, которое проводили среди служащих ВКТ Альберт Тома и Жуо — подобный результат подавал большие надежды на выпрямление профсоюзного движения.

12 октября в Галле собрался конгресс независимых Германии. Победила левая, которая 237 голосами против 158 провела присоединение к III Интернационалу. Разбились надежды, возлагаемые реконструктивистами на независимых. Лонге пытался утешиться, написав в «Юманите» от 25 октября, что на стороне инакомыслящих **«все избранные умы партии!»**

ПОНОЖОВЩИНА

По мере того как почва уходила из-под ног «реконструктивистов», они становились все более озлобленными и циничными. Они вели против приверженцев III Интернационала, если выразиться в духе эпохи, настоящую «поножовщину». Ежедневно в «Популэр» Поль Фор согласно своему обычаю подменял доводы едкими издевками, обвинениями и клеветой, если не упражнялся в это время под псевдонимом Бротто в иронии, секрет которой ему открыл вероятно какой-нибудь комивояжер супрефекта. **«Вы мошенники и дураки!»** — бросил он по адресу тех, кто высказывался за присоединение. Он с честью носил данную ему кличку «социал-предателя».

«Теперь, когда многие товарищи, находясь в таком состоянии ума, в каком пребывают перед протами Лурда паломники из вандейских крестьян, уже прокричали свое: «Я присоединяюсь! Я присоединяюсь!» — издевался он в «Юманите» от 2 ноября,— я предполагаю, что мы вступаем в период размышления и серьезных дискуссий».

Но он весьма остерегался показать в этом пример. Бедный Поль Фор! У него такой нежный желудок, что 21 условие вызывают у него «тошноту». **«Ни один французский социалист, достойный этого имени,**— заявляет он,—**не может под ними подписаться!»**

Его товарищ Прессеман, который в настоящее время сильно склоняется вправо, действует еще более определенно. Он отклоняет тезис о поддержке угнетенных и колониальных народностей под решительным предлогом, что у него нет желания начинать войну. Он против подчинения парламентской группы парижскому руководству, против отмены **«этой федеральной и местной автономии, благодаря которой только и смогла развиться тенденция III Интернационала».** Какой замечательный апостол!

Мистраль восстает решительно: **«Мы отнюдь не наделены душой мужика,**— пишет он.—**И мы не больше верим в непогрешимость «попов», чем в непогрешимость «пап»** («Юманите» от 27 сент.). Очевидно наш дофинесский политикан предпочитает сотрудничать с буржуазией, чем стать в ряды французского пролетариата в его борьбе за свержение капиталистического режима, как это сделали русские мужики, объединившись со своими братьями с фабрик!

Конечно, «центрист» Блюм и «правый» Поль Бонкур не замедлили поспешить на помощь шатающимся «реконструктивистам». Блюм восстает против коммунистической концепции диктатуры пролетариата, против **«новых догм», «новой революционной концепции»** Москвы («Юманите» от 24 и 27 октября). Что же касается Поля Бонкура, то он громко произносит то, что другие думают про себя, т. е., что **«во Франции имеется возможность действовать лишь методически легально, используя орудие, выкованное предшествовавшими революциями»** (подразумеваются буржуазные революции), и что не следует исключать реформистов, осуждать военный социализм, порывать единство и подчиняться **«Командующей боевой организации, которая в Москве будет решать, что именно должно являться политикой французского социализма!»**

Мы видим, что ров, отделяющий Поля Фор и Лонге от Поля Бонкур и Реноделя, не слишком широк и не чересчур глубок. События покажут, что его можно легко перейти. И скоро и те и другие объединятся в общей ненависти к советской революции и к большевизму.

ОБЪЕДИНЕНИЕ РЕНОДЕЛИСТОВ И ЛОНГИСТОВ

Между тем эти господа, для того чтобы одурачить партийные массы, противопоставляют предложению Комитета III Интернационала две платформы, различные по виду, но одинаковые по существу.

Лонге и Поль Фор выдвигают предложение так называемого **«присоединения с оговорками»**. Но этот документ («Юманите» от 6 ноября) показывает фундаментальные расхождения с Коммунистическим интернационалом. Подписавшие его высказываются за сохранение режима партии, ее названия и за пропорциональность в руководящих постах. Они против чисток, они считают достаточным постоянное соглашение с ВТК (как-будто революционеры могут договориться с Жуо!).

Их определение диктатуры пролетариата — это шедевр путаницы.

«Эта диктатура,— заявляют они, —должна быть выполнена организованным пролетариатом, т. е. квалифицированными уполномоченными профсоюзов и кооперативов в тесном сотрудничестве с социалистической партией, существование которой окончится само по себе лишь с переходным периодом и окончательным исчезновением буржуазии, при условии существовавших советов крестьян и рабочих.

Вот следующее предложение Блюма так называемого **«международного единства»** [1], подписанное Бражом, Паоли и Майером. С некоторыми стили-

[1] «Юманите», 11 ноября.

стическими изменениями оно воспроизводит содержание предложения Поля Фора — Лонге. Оно во всяком случае откровеннее. Никакого демократического централизма! Никаких исключений и чисток! Никаких нелегальных организаций! Профсоюзный нейтралитет и т. д. Это — категорический отказ от присоединения.

Рено дель может быть удовлетворен. Это предложение может ему помочь увлечь за собой реконструктивистов и подготовить раскол. Он пользуется смятением среди реконструктивистов, для того чтобы организовать **«Комитет социалистической обороны»**, основной целью которого является поддержка партии в ее традициональной линии и отказа от 21 условия. В этом комитете широко представлены реконструктивисты. Под манифестом («Юманите» от 6 декабря) имена: Фро, Пьера Ленэ, Прессемана, Парви, Северака рядом с именами: Блюма, Браже, Варрэна, Поля Бонкура и Реноделя. Жан Жиромский (сегодняшний «левый» социалист) присоединяется к ним, заявляя [1], **«что в этом противодействии, таком жестоком и таком необходимом, мы имеем по крайней мере утешение, что мы укрепляем благотворные реальности учения** (оставление революционной борьбы) **и жизни** (неизбежные противоречия в сотрудничестве классов). В Туре Поль Фор, Лонге и другие **интеллектуальные украшения партии** нагоняют их, дабы следовать совместно с их «почтенной» кампанией по пути II Интернационала, где они смогут, наконец, отдышаться и с «честью и выгодой» служить буржуазии, агентами которой они не переставали быть.

ПОБЕДА КОМИТЕТА III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

В то время как происходит это объединение лонгистов и реноделистов, освещающее банкротство старого меньшинства, состоялись конгрессы федераций. В Сенской федерации предложение Комитета III Интернационала было принято 13.488 голосами из 17.146, против 2.114 голосов за предложение Лонге—Поля Фора и 1.061 голосов за предложение Паоли — Блюма. Все крупные промышленные центры, кроме Лилля и Лиможа, вместе с Парижем, Лионом, Марселем, Бордо, Страсбургом, Рубэ, Туркуэном, Сэнт-Этьеном и Брестом, в подавляющем большинстве голосовали за присоединение. В таком же смысле высказались многочисленные крестьянские федерации Эна, Алье, Шера, Корреза, Дордони, Дрома, Лот-е-Гарроня, Ионна и т. д.

[1] «Юманите», 9 декабря.

Таким образом 75% делегатов Турского конгресса голосовало за безоговорочное присоединение к III Интернационалу.

ОСНОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ФРАНЦИИ

Дискуссия, окончившаяся на Турском конгрессе, вызвала такие разногласия между сторонниками III Интернационала, правой и центром, что раскол оказался неизбежным. Лонгисты и реноделисты твердо пошли на него. Играя до конца комедию единства, реноделисты пытались при помощи шантажа увлечь за собой вправо наибольшее количество центристов. Оглядываясь назад на Турский конгресс, мы можем сказать, что для нас этот раскол, особенно в условиях, в которых он протекал, был выгоден, давши жизнь французской коммунистической партии.

ДЕБАТЫ О ПРИСОЕДИНЕНИИ

Мы не будем полностью разбирать прения в последовательном порядке. Считаем более целесообразным сгруппировать главные речи по их направлениям для более полного выявления их сущности и вскрытия основных позиций.

Рассмотрим прежде всего так называемую «оборону», как она себя именовала. Реноделъ, отдавая себе отчет в том, что его появление на трибуне может быть рассматриваемо как провокация, не показывался на ней, довольствуясь возгласами с места. Точку зрения открытых противников III Интернационала изложили Семба и Блюм.

Речь Семба, крайне пессимистическая и рассчитанная на то, чтобы вызвать смятение в рядах конгресса, главным образом обвиняла сторонников присоединения в том, что они служат тайным замыслам буржуазии.

Вы предадите партию,— сказал он им,— целиком в руки любого правительства, которому понадобится, как это случилось в мае прошлого года, сила кулака для вооруженного наступления.

Семба сравнивал Москву с Лондоном, большевизм с лейборизмом, который, по его мнению, является наиболее родственным французскому социалистическому движению. Это была едва замаскированная проповедь возврата ко II Интернационалу.

Что касается Блюма, то он вел борьбу с ленинизмом при помощи ловко построенных бесплодных рассуждений, бросая обвинения организационной системе и методам. Присоединиться к III Интернационалу, заявляет он, это означает порвать с традиционным социализмом. Это означает порвать с прошлым, это означает уничтожить единство. Умышленно искажая структуру коммунистической партии, Блюм представляет ее как **«род тайного сообщничества, род широкого заговора»**. По поводу национальной обороны он заявляет: **«Мы утверждаем, что даже при капиталистическом режиме в социалистическом сознании могут ужиться обязательства интернациональные и обязательства национальные»**. Это явное исповедание социал-шовинизма и весьма недвусмысленное указание на то, что на другой же день после Турского конгресса противники присоединения без колебания начнут проводить политику поддержки буржуазии и что социализм, в котором отныне выхолощено всякое революционное содержание, послужит приманкой для того, чтобы повести рабочие массы к сотрудничеству классов.

Но так как Блюм знал, что среди сторонников присоединения некоторые, вроде Фроссара, в глубине души остаются неизлечимыми оппортунистами, он не замедлил протянуть им оливковую ветвь будущих измен.

« И те и другие,—заключает он,—даже разлученные, останутся социалистами, несмотря ни на что они останутся братьями, братьями, которых разъединила жестокая ссора; но участников семейной ссоры может еще объединить общий очаг».

Ввиду приближения момента, когда приходилось окончательно выбирать между реформизмом и революцией, между социал-демократией и коммунизмом, поверхностные расхождения, будто бы разделявшие реноделистов и лонгистов, таяли, как снег на солнце. В Туре они хором вели ожесточенную борьбу против III Интернационала. Единственное, что их отличает еще, это то, что центристы стараются нанести наиболее тяжелые, если не наиболее изменнические, удары большевизму.

Как держался Поль Фор? Он проявлял себя более воинственно, чем когда бы то ни было. Он издевался над количеством условий, с отличающей его недобросовестностью изо всех сил пытался исказить их смысл. Дав полную свободу своему мелкобуржуазному скептицизму (неверию.—Ред.), он оскорблял преданных членов партии, возлагавших все свои надежды на коммунизм.

«Когда я вижу вас,—говорил он,— **становящихся в определенный час испытанными коммунистами, я улыбаюсь и прохожу мимо»**.

Он выступает также мелодраматично: **«Я чувствую себя неспособным вести тайную пропаганду в казармах, в тех условиях, в которых этого от меня требуют. Если бы у меня был сын, я сказал бы ему не делать этого»**. (Каков революционер: он этого сына отдал бы империализму!). По мнению Поля Фора, рабочий класс, перед лицом мощно организованного и воору-

женного капитализма, должен отказаться от борьбы в то время, как он сам твердо перейдет на службу буржуазии.

Лонге, так же как и Поль Фор, озлобленно нападает на Коммунистический интернационал. **«Он не подчинится** (этот светлый ум!) **данному нам извне праказу разделиться, разорваться».** (Но отныне он будет подчиняться крупным промышленникам и банкирам, которые изнутри гнут под свою диктатуру рабочий класс!). Он не хочет **интернационала, который является не интернационалом пролетариата всех стран** (подразумевается интернационал, из которого исключены социал-предатели и министры короля и французской республики), **а интернационалом специфически русским, с русскими концепциями, с русской дисциплиной, интернационалом, который неприемлем для других стран.** (Внук Карла Маркса со всеми признаками вырождения вдается в самый узкий национализм. Очевидно ему легче было бы договориться с Керенским и меньшевиками-контрреволюционерами, чем с Лениным.) И наш старый, раскаявшийся в своих грехах член «меньшинства» снова начинает осыпать комплиментами правую, в частности Блюма, вместе с которым он заявляет, **«что лживо, несправедливо противопоставлять в настоящем ученом споре реформистов — революционерам».**

«Если вы хотите,— заявляет он,— чтобы мы остались в доме,— и я к нему привязан всем своим существом — то надо, чтобы воздух там был такой, чтобы можно было дышать». (То-есть, чтобы мог там встретить Реноделя, самый доказанный и «дающий ему возможность дышать» оппортунизм.)

Кашен, первый оратор левой, сделал прекрасный доклад о советской революции и доказал, что «наш долг мощно и ясно реагировать (против империализма), **развить активную пропаганду против милитаризма и колониализма, против всей буржуазной концепции национальной обороны».**

Зато Фроссар проявил самую плачевную слабость по отношению к правой и к центру. Вместо того чтобы взвесить реальные данные проблемы, показать все значение 21 условия, уточнить чем должна быть настоящая коммунистическая партия, он пытается доказать, что теория и тактика III Интернационала не противоречат «традиционному социализму».

Прежде всего он признался в том, что не уверен в самом себе; что он не претендует на правоту и что он потрясен, заметив **«в рядах своих сегодняшних противников своих вчерашних друзей».** И чтобы подбодрить Лонге и Реноделя, он сообщил им, что в резолюции присоединения **«никто не находит своих слов, но что каждый находит там сущность своей мысли».** Наконец он признался ради Блюма в том, что если у него было **предчувствие, что наша завтрашняя политика является разрывом с национальной и международной социалистической традицией, то он не был бы на этой трибуне»,** сняв тем самым с руководителей II Интернационала ответственность за их поведение в период мировой войны: **«банкротство II Интернационала,**—говорит он,—**начинается не со 2 августа 1914 г.**

Если в этот день и было банкротство, то это было банкротство международного пролетариата».

В статье, появившейся в качестве передовой в «Бюллетень Коммунист» от 15 февраля 1923 г. под заголовком «Самоубийство Л. О. Фроссара», Мануильский уничтожающим образом анализирует роль этого ренегата на Турском конгрессе.

«В этой борьбе, требовавшей от каждого члена партии,—пишет Мануильский,—ясного положения, окончательного разрыва со всеми двухсмысленностями и дипломатничаньем, Фроссар занял позицию «центра». На словах он за III Интернационал, но одновременно он не хочет порвать с противником III Интернационала — Лонге. Личные отношения и дружеские связи скрывают от него перспективу существенных интересов и суровых законов революционной необходимости. Партийный оппортунист и дипломат Фроссар не в состоянии подняться над личными взаимоотношениями, охватить совокупность интересов рабочего движения. У него не хватает для этого марксистской культуры, твердости и воли. Фроссар по существу крайне ограниченный политикан и склонен, как все оппортунисты, для защиты своей позиции пользоваться соображениями сентиментального порядка. Порвать с Лонге означает пожертвовать прошлым ради настоящего. Это означает поставить движение вне зависимости от отдельных личностей. Это означает подумать, что Лонге недобросовестен по отношению к III Интернационалу. Следует его «переубедить», доказать ему превосходство Коммунистического интернационала. Того, что сделал так решительно и бесповоротно в 1903 г. один из редакторов «Искры» Владимир Ильич Ленин, порвавший со своими старыми товарищами по работе: Плехановым, Мартовым и Потресовым — этого очевидно не в состоянии сделать Фроссар...».

ТОЧКА ЗРЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Итак, выступление Фроссара не могло осветить положение и дать новой партии истинно большевистскую ориентацию. Все те, кто поняли необходимость искреннего, действительного присоединения, были этим выступлением глубоко разочарованы. К счастью, телеграмма исполкома Коминтерна, адресованная Зиновьевым конгрессу, и речь Клары Цеткин, которая, несмотря на свой почтенный возраст, нелегально приехала в Тур, вдохнули свежую струю в затхлую атмосферу собрания.

ИККИ, одобрив в целом, за исключением нескольких пунктов (в частности названия партии, которая не принимала наименования коммуни-

стической), резолюцию Кашена — Фроссара, сурово осудил Лонге, Поля Фора и других, чья...

«Резолюция проникнута духом реформизма и крючкотворской дипломатией.

Они были и остаются,—утверждает документ,—определенными агентами буржуазного влияния на пролетариат. Коммунистический интернационал **не может иметь ничего общего** с авторами подобных резолюций. Самая плохая услуга, которую можно в настоящий момент оказать французскому пролетариату—это выдумать запутанный компромисс, который будет настоящим ярмом для вашей партии...».

Клара Цеткин весьма энергично выразила точку зрения делегировавшего ее Исполкома Коминтерна.

«Для того чтобы конгресс,—сказала она,—выполнил свою грандиозную историческую задачу, надо, чтобы вы раскололись, для того чтобы притти к единству. Надо отрешиться от прошлого, от реформистской, оппортунистической политики большинства и от центристов, от их оппортунистических и контрреволюционных идеологии и фразеологии, фразеологии, с одной стороны, социал-патриотической, с другой стороны, социал-пацифистской. Надо заменить эту политику политикой чисто революционной и классовой борьбой пролетариата... Надо перемениться по существу. Не следует лишь в книгах проповедывать III Интернационал. Коммунизм обязывает французский пролетариат делать революцию не только на бумаге. Нужны революционные действия...».

Телеграмма ИККИ и речь Клары Цеткин произвели на конгрессе глубокое впечатление и спустили с цепи бешенство «центристов». Попытка Фроссара провалилась. Мосты были взорваны.

ГОЛОСОВАНИЕ ЗА ПРИСОЕДИНЕНИЕ И РАСКОЛ

В момент голосования Блюм взял обратно свою резолюцию и объявил, что он и его друзья будут воздерживаться от голосования. 3.208 голосов были за III Интернационал против 1.023 за предложение Лонге, при 394 воздержавшихся и 32 отсутствующих. Поправка крайне левой Лерой-Гейн получила 44 голоса, которые, по просьбе авторов, были отнесены на предложение Кашена—Фроссара. Таким образом присоединение было решено 3.252 голосами.

Заклейменные телеграммой Зиновьева, «центристы» попытались провести последний маневр.

Мистраль внес от их имени следующим образом сформулированное предложение:

«Глубоко тронутый телеграммой Исполнительного комитета III Интернационала, конгресс отказывается пойти по пути исключений, требуемых этой телеграммой, и объявляет о своем желании сохранить ненарушенным настоящее единство социалистической партии».

Фроссар еще раз попытался выступить в роли примирителя. Он умолял центристов не придавать слишком большого значения телеграмме ИККИ. Он, Фроссар, был против исключения.

«Я повторяю,—патетически произнес он,—если бы от меня потребовали поразить Лонге исключением, если бы исключение могло бы быть поставлено на голосование на этом конгрессе, то я ушел бы вместе с Лонге».

И выражая неодобрение ИККИ, он в заключение осыпал похвалами Брак и Семба, говоря с дрожью в голосе своим «друзьям из центра»:

«Вы не имеете права нас покидать. Вы не можете, вы не должны этого делать. Мы нуждаемся в вас, как вы нуждаетесь в нас!»

Он не мог все же принять предложение Мистраля. В надежде, что Лонге сдастся на его упреки, он также внес через Даниэля Рену предложение, которое должно было смазать значение телеграммы ИККИ.

В этом предложении говорилось: «Ознакомившись с заявлением т. Зиновьева (здесь Фроссар представляет дело так, что речь идет уже не о телеграмме ИККИ, но о неуместном и персональном вмешательстве Зиновьева) и с критикой, которую он в горячих терминах теоретической полемики обрушивает против политики правой и так называемой «центристской фракции», конгресс напоминает, что неуклонная дисциплина по отношению к Коммунистическому интернационалу не исключает, как это указано в 16 статье условий, принятых на последнем Московском конгрессе, обязательства учитывать разнообразные обстоятельства борьбы и предписывает принимать общие и обязательные резолюции лишь в такой степени, в какой они возможны. Конгресс заявляет, что предложение присоединения, подписанное французским Комитетом III Интернационала и утвержденное Исполнительным комитетом III Интернационала, имеет законную силу для будущего и не предусматривает никаких исключений за прошлое. Конгресс уточняет самым формальным образом, что исключения, предусмотренные статьями 7 и 20 московских условий, не могут быть применены ни к одному из членов партии, принимающему в принципе решение настоящего конгресса и сообразующему свою общественную деятельность с коммунистической дисциплиной».

Мы умышленно переписали этот текст целиком, дабы показать, что Фроссар не пренебрег ничем, для того чтобы «спасти» Лонге, Поля Фора и его друзей.

Но эти господа, отвергая авансы Фроссара, поддержпвали предложение реформистов и покинули вместе с ними конгресс, для того чтобы на завтра же основать инакомыслящую социалистическую партию.

И все же дело кончилось: оздоровляющий раскол совершился. Французская коммунистическая партия была основана.

Во главе с таким оппортунистом, как Фроссар, с такими влившимися в последний момент людьми, как Верфей, мечтавшем о скором примирении с мелкобуржуазными элементами, которых давление масс на короткое время толкнуло к коммунизму, но которые оставались насквозь пропитанными социал-демократическим духом и старались саботировать политику Коммунистического интернационала,—эта партия с самого начала своего существования попала в полосу кризиса, который разрешился на парижском конгрессе в октябре 1922 г. исключением и новым расколом. Но решительный шаг был сделан; разрыв с традициональным социализмом, с военным социализмом и с сотрудничеством классов был совершен.

В то время как социалистическая партия превратилась в рабоче-буржуазную партию; в то время как ее социал-фашистские кадры влились в аппарат капиталистического государства и стали существенной поддержкой империализма в его политике подготовки войны, колониального угнетения и нападок на СССР — коммунистическая партия, несмотря на недостатки, ошибки и трудности роста, несмотря на репрессии правительства и хозяев, все более и более поражавшие ее членов и направленные на истребление ее классовой организации, не переставала упорно двигаться по пути большевизма.

Каждый этап ее истории на протяжении этих последних 10 лет отмечает прогресс в этом отношении. В настоящее время коммунистическая партия—единственно подлинная пролетарская партия. Она единственный проводник рабочего класса в его все более и более ожесточенной борьбе с капиталистическим режимом за захват власти и установление социализма.

КОММУНИСТЫ И ВОЙНА

НИКАКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ ПРИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ

Трагический и ужасный опыт войны 1914—1918 гг. не пропал даром. Сейчас французский пролетариат имеет во главе коммунистическую партию, которая борется против империалистической войны не на словах, а на деле.

Мы видим, что довоенные социалисты, несмотря на то, что они принимали на конгрессах Интернационала резолюции, не признающие национальной обороны, меняли мнение, как только дело касалось их страны. Одной из причин предательства II Интернационала и было это двурушничество: в международном плане — против национальной обороны; в национальном плане — за национальную оборону.

Для Коммунистического интернационала и его секций дело обстоит совершенно иначе. Национальная защита при капиталистическом режиме совершенно отвергнута не только на мировых конгрессах, но прежде всего и в повседневной деятельности всех коммунистических партий.

Если организация наций представляла собой на заре капиталистического режима необходимый ход развития вещей, и если в ту эпоху революционным шагом было освобождение от феодальных уз, мешающих прогрессивному развитию общества, то эта эпоха уже давно минула. Роль бедных классов в организации наций закончилась в тот день, когда буржуазия, организовав свое собственное национальное государство, свободное от всех феодальных стеснений, показала эксплоатируемым его остальным классам всю тяжесть своего классового государства и его орудий (идеологии, армии, права и т. д.).

С тех пор задачи пролетариата должны были заключаться в следующем: «уничтожение капиталистического режима — отсталой системы, основанной на эксплоатации одного класса другим уничтожение наций, поскольку они являются отсталыми общественными формами — организациями, вызывающими расовую ненависть и угнетение мелких национальностей крупными.

Пролетариат стремится к социализму, при котором будет уничтожение эксплоатации человека человеком и к интернационализму, полное осуществление которого может последовать лишь за установлением социализма, при котором все нации смогут свободно развиваться, при котором все

расы смогут спокойно сотрудничать на почве всеобщего равенства». Уничтожьте эксплоатацию человека человеком и вы уничтожите эксплоатацию нации нацией, писали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте».

Так же как и феодалы защищали от зарождающейся буржуазии свои экономические и политические привилегии и феодальное государство, так и теперь буржуазия защищает от пролетариата свою систему экономической и политической эксплоатации и свое национальное государство.

Буржуазия, особенно после войны, любит именовать себя «интернациональной». Она пытается показать свою «интернациональную широту взглядов». Но здесь налицо интернационализм лишь в узком смысле слова.

«ИМПЕРИАЛИЗМ вывел производительные силы мирового капитализма на высшую ступень развития. Он закончил подготовку материальных условий для социалистической организации общества. Он **ДОКАЗАЛ СВОИМИ ВОЙНАМИ, ЧТО ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СИЛЫ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА ПЕРЕРОСЛИ УЗКИЕ ГРАНИЦЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА И ТРЕБУЮТ ОРГАНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВА В МИРОВОМ, МЕЖДУНАРОДНОМ МАСШТАБЕ»** [1].

(Программа Коммунистического Интернационала).

Таким образом «развитие производительных сил», задыхающихся в узких границах наций, дало толчок тому, что буржуазия объявляет известный интернационализм, интернационализм личных интересов. Но этот интернационализм не дает выхода буржуазии. Она не в состоянии его реализовать. Химера пан-Европы—попытки «организации капитала» по интернациональному плану, как и по плану национальному, неизбежно осуждены на постыдное банкротство. Даже картели, объединяющие капиталистов — производителей одной и той же отрасли промышленности, лопаются при малейшем экономическом кризисе из-за противоречий национальных и персональных интересов. В этой области для капитализма нет никакого выхода, ибо сущность этой системы заключается в прибыли, в возможно большей прибыли отдельных лиц или группы лиц к ущербу эксплоатируемых масс. Между капиталистическими странами не может быть установлено какое бы то ни было продолжительное равновесие, так как они развиваются неодинаковыми темпами, так как разные страны неравномерно производят и потребляют.

В окончательном итоге «интернационализм» буржуазии — это лишь наиболее узкий национализм, доведенный до высшей стадии. Правда, буржуазия «интернациональна» еще и с другой точки зрения. Она солидарна с буржуазией других наций в классовой обороне против пролетариата. История неоднократно нам показывала, что буржуазия несмотря на про-

[1] Подчеркнуто нами.

тиворечия интересов, умеет в известные моменты приходить на помощь своему классу, если он в другой стране находится под угрозой. Но и этот интернационализм также руководится национальными интересами и временной классовой солидарностью.

Последовательно солидарен лишь пролетариат. У него нет никаких ни экономических, ни политических интересов в своей нации, но все его интересы вне наций. Очевидно, что его интернационализм — классовое чувство. Если он братается с рабочими других стран, то он делает это постоянно и до конца. У него нет ничего общего с буржуазией, эксплоатирующей пролетариат данной страны, как нет ничего общего и с буржуазией своей страны. Борясь со своей буржуазией, он также борется с буржуазией других стран.

Борясь за социализм посредством уничтожения эксплоатации человека человеком и утнетения среди наций, пролетариат—единственный носитель истинного человеческого прогресса, заключающегося в обобществлении средств производства в мире всеобщего братства народов.

В силу этих причин коммунисты окончательно отбрасывают сказки о «защите отечества». Они приняли положение Маркса, что при капиталистическом режиме «пролетарии не имеют отечества». Следовательно, пролетарии ни в коем случае не должны проливать свою кровь для защиты отечества буржуазии, буржуазного государства, буржуазных законов и капиталистической эксплоатации рабочего класса.

Коммунисты отвергают ложь, в которой заинтересована буржуазия о «справедливых войнах», о «войнах за право и цивилизацию». Они знают, что войны неотъемлемы от капиталистического режима и что положить конец им можно лишь уничтожением самого капиталистического общества. При капиталистическом режиме войны не представляют собой ненормального или случайного таинственного явления. Они выражают присущие системе капитализма противоречия. Они являются естественным продолжением экономических конфликтов, империалистических аппетитов и необходимости экспансии, т. е. того, что без конца терзает капиталистов. В переживаемую нами эпоху империализма нормальное состояние общества — не мир, а война.

Поэтому-то коммунисты и разоблачают лицемерие пацифистских заявлений буржуазии и социал-фашизма. Лига наций, пакты о ненападении и о разоружении, объявление войны вне закона, все это лишь уловки, задача которых — скрыть от широких масс лихорадочную политику вооружений и приближение новых боен. Социал-фашисты, заявляющие, что они препятствуют возникновению новых войн, внедряя в массы идею о их невозможности, это настоящие виртуозы в деле всяческих махинаций.

Социалистическая партия в настоящее время открыто стоит за «национальную оборону» при капиталистическом режиме. Ее главари усердно

помогают подготовке империалистической войны. Влившись в аппарат буржуазного государства, они являются передаточной инстанцией между его штабом, парламентом и страной. (Пример: Поль Бонкур, Ренодель и т. д.) Рабочий класс должен всегда иметь в виду, что, если разразится война, то социалистические лидеры, которые с августа 1914 г. не переставали и не перестают изменять пролетариату, проявят себя наиболее рьяными шовинистами среди шовинистов. Нет никакой нужды ожидать новых боен, чтобы убедиться в этом.

Коммунистическая партия говорит рабочим: «Не давайте сиренам пацифизма и «национальной обороны» обманывать вас». Классовая борьба должна продолжаться до тех пор, пока буржуазия не будет окончательно раздавлена. Перемирие во время войны — наихудшая сдача позиций. В мирное время вы переутомлены, ограблены, низведены до состояния рабов. В военное время на фронте вы будете миллионами убиты, в тылу вы, ваши жены, ваши дети, ваши старые родители будут отравлены удушливыми газами, сброшенными с аэропланов на промышленные города. У вас только один способ избежать опасности. Это—без устали бороться на фабриках, на полях, в казармах, в лагерях, на кораблях против буржуазии и ее милитаризма. Также учитесь владеть оружием, которое буржуазия вкладывает в ваши руки для своих преступных целей.

Не дезертируйте. Наоборот, приучайтесь обращаться с пулеметами, гранатами, пушками и другими орудиями разрушения и смерти.

«Угнетенный класс, который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались, как с рабами. Не можем же мы, не превращаясь в буржуазных пацифистов или оппортунистов, забыть, что мы живем в классовом обществе и что из него нет и не может быть другого выхода, кроме классовой борьбы и свержения власти господствующего класса...

Нашим лозунгом должно быть: вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию. Это единственно возможная тактика революционного класса, тактика, вытекающая из всего **объективного развития** капиталистического милитаризма, предписываемая этим развитием. Лишь **после** того как пролетариат обезоружит буржуазию, он может, не изменяя своей всемирно-исторической задачи, выбросить на слом всякое вообще оружие, и пролетариат, несомненно, сделает это, но только тогда, никоим образом не раньше» [1].

Буржуазные и социал-фашистские пацифисты, заявляя о своей «ненависти» к войне вообще, стараются отдалить справедливую и необходимую классовую войну, борьбу пролетариата против буржуазии. В противоположность этим пацифистам, коммунисты не против таких войн. Если

[1] Ленин. Против течения, стр. 523—524.

бы они были против всех войн, они не могли бы быть за освободительную гражданскую войну, за победоносную революцию. Они рассматривают войны с точки зрения классовых интересов международного пролетариата; их отношение меняется в соответствии с нуждами дела революции. В данное время коммунисты различают три вида войн: 1) войны между империалистическими государствами; 2) империалистические войны против стран, где осуществлена власть рабочих и крестьян и где строится социализм (Советский Союз); 3) национально-революционные войны угнетенных народностей в колониях против империалистов.

Позиция коммунистов в войне

между империалистическими державами

Не признавая национальной обороны при капиталистическом режиме, коммунисты в войне между империалистическими державами не защищают ни буржуазии своей страны, ни буржуазии других стран.

Война между империалистическими государствами не преследует никаких «цивилизаторских» целей, как хочет заставить нас думать вся буржуазия. Мировая война 1914—1918 гг. была классической империалистической войной. Теперь уже публично признано многочисленными представителями самой буржуазии, что причины войны 1914 г. крылись в ожесточенной конкуренции между германскими, английскими и французскими капиталистами и в необходимости нового раздела мира. Никогда не может быть никаких других причин во всех войнах между империалистическими державами.

Следовательно, империалистическая война это война реакционная. Рабочий класс, который должен при всех обстоятельствах защищать свои классовые интересы, никоим образом не может связать свою участь с судьбой своих эксплоататоров. Следовательно, он не может брать сторону своей буржуазии. Наоборот, он должен подняться против собственной буржуазии и сделать все возможное для превращения империалистической войны в войну трудящихся масс против буржуазии.

Несмотря на то, что коммунисты убеждены в том, что империалистическая война неизбежна, они стремятся в интересах рабочих масс и всех трудящихся, которых войны подвергают самым тяжелым жертвам, бороться всеми средствами упорно против империалистической войны и стараться, чтобы ей предшествовала пролетарская революция (Резолюция VI конгресса Коммунистического интернационала).

Для того чтобы успешней бороться против империалистической войны до того как она разразилась, коммунисты прежде всего направляют свои удары по буржуазному и социал-фашистскому пацифизму. На самом деле главный поставщик массовых убийств — это пацифист, задача которого усыпить бдительность трудящихся и замаскировать истинный характер войны. Не бороться против пацифизма, не вскрывать его сущности, давать распространяться его злостной пропаганде, означало бы предоставить капитализму возможность в полном спокойствии реализовать свою политику завоевания и угнетения. Это означало бы предоставить ему возможность внезапно поставить рабочий класс перед фактом объявления войны и таким образом обезоружить его перед лицом этой действительности.

Пацифизм, независимо от того какой он школы,—всегда самое грозное орудие буржуазии для издевательства над трудящимися. В момент, когда с каждым днем приближается опасность нового мирового пожара и когда все империалистические державы лихорадочно вооружаются, именно посредством пропаганды пацифизма, буржуазия создает в массах иллюзию «организации мира», «разоружения» и других «метафизических уток». Чем ближе война, тем опаснее становится буржуазный и социал-фашистский пацифизм. Вот почему не может быть последовательной борьбы против империалистической войны без борьбы с пацифизмом.

Разоблачая пацифизм, коммунисты ведут широкую агитацию и пропаганду для того, чтобы объяснить массам истинный смысл империалистических войн, чтобы раскрыть лживость «защиты отечества» и чтобы воспитать массы в духе подлинной революционной борьбы против войны.

Формы этой борьбы многочисленны. Они заключаются прежде всего в неустанной борьбе на предприятиях за то, чтобы поднять тревогу, мобилизовать и организовать трудящихся против опасности империалистической войны и в первую очередь на предприятиях, промышленность которых связана с ведением войны. Коммунисты также проводят широкую пропаганду среди крестьян, женщин, молодежи, среди трудящихся иммигрантов, среди трудящихся в колониях. Один из наиболее серьезных методов этой деятельности — антимилитаристская работа в армии, во флоте, в организациях воинской подготовки среди новобранцев и запасников. Коммунисты отбросили старую анархическую антимилитаристскую концепцию о том, чтобы не итти в армию или дезертировать. Они наоборот считают, что нужно итти в казармы, чтобы там вести классовую борьбу, разложить военные силы буржуазии и объединить солдат и матросов с рабочим классом. Наконец, не отделяя борьбы против войны от борьбы против капиталистического режима, коммунистическая партия использует все возможности, чтобы ослабить милитаризм и помешать таким образом его военным подготовлениям.

Но если, несмотря ни на что, война разразится, то коммунисты не перестанут бороться, как это сделали в 1914 г. социалисты. Они усилят борьбу, дабы превратить империалистическую войну в войну гражданскую, дабы низвергнуть буржуазную власть. Превращение империалистической войны в войну гражданскую не представляет собой обособленного действия, оторванного от общего положения. Этот лозунг может быть осуществлен лишь боями и массовыми выступлениями солдат и рабочих. Он предполагает наличие революционной ситуации. Отвергая индивидуальные акты, как-то: отказ от явки на мобилизацию и т. п. актов, которые не могут привести ни к какому практическому результату в борьбе против войны, методы, применяемые коммунистами, будут изменять вместе с ситуацией и состояние рабочего движения. Эти методы могут итти от частичной борьбы рабочих (демонстрации на заводах, забастовки и т. д.) вплоть до всеобщей забастовки и восстания; от братания и солдатских забастовок вплоть до сплоченных восстаний солдат и моряков бок о бок с рабочими и крестьянами.

Что же касается лозунга всеобщей забастовки, то коммунисты его отвергают как изолированное действие, проводимое **«без учета обстоятельств конкретной обстановки, вне зависимости от общего хода классовой борьбы пролетариата»**, как обыкновенно представляли себе довоенные специалисты. Но коммунисты принимают этот лозунг в связи со всеми остальными средствами борьбы против войны.

Только в революционной борьбе и победе над буржуазией своей страны рабочий класс может положить конец империалистической войне и уничтожить вызывающий ее постоянно капитализм.

Позиции коммунистов в войне между империалистами и Советским Союзом

Если пролетарии не имеют отечества при капиталистическом режиме, то они его приобретают как только они захватывают власть. Итак, имеют ли отечество рабочие и крестьяне Советского союза? Они имеют не родину на буржуазный лад, основанную на эксплоатации человека человеком и на угнетении национальных меньшинств, а социалистическое отечество, где пролетариат хозяин средств производства и обладает политической властью. Это — отечество трудящихся всех стран, но не в смысле «родного угла», а как первый кусок земного шара, завоеванный для социализма. Социализм не национальное явление, он главным образом явление

международное, в котором заинтересованы рабочие всех стран. Поэтому они должны защищать страну социализма против всех посягательств империализма.

Классовый характер империалистической войны против Советского союза очевиден. Это уже не война только за завоевание рынков сбыта и сырья, но война классовая, война буржуазии не только против трудящихся СССР, но против трудящихся всего мира.

В подобной войне рабочие капиталистических стран не должны бороться лишь за низвержение буржуазии своей страны, как в случае войны, сторонами которых являются империалистические державы, но они должны бороться за победу Советского союза. Солдаты и моряки должны не только брататься с солдатами и моряками Советского союза, но и перейти со всем вооружением на сторону Красной армии международного пролетариата и повернуться против своей буржуазии. При помощи этого, так же, как и посредством демонстраций, стачек бойкота военных транспортов и т. д., следует превратить империалистическую войну против Советского союза в гражданскую войну против буржуазии.

Война империалистических держав против Советского союза неизбежна, так как противоречия капиталистического мира и мира социалистического растут по мере того, как углубляется капиталистический кризис, а конец его очень близок. Можно утверждать, что в течение последнего периода — к сведению тех, кто отрицает или отказывается видеть опасность — империалистические государства с Францией во главе уже многое сделали для подготовки антисоветской интервенции. Вожди-социалисты занимают в этой авантюре передовые посты. Они не только прикрывают антисоветские происки империалистов, но и безоговорочно принимают в них участие. Их орудие — это клеветнические кампании, и они объясняют опасность войны существованием Советского союза. Согласно их утверждениям, миру угрожает страна, где трудящиеся находятся у власти, страна, которая вступает на путь социализма, а капитализм — этот режим, осуществляемый эксплоатацией и угнетением масс — носитель мира.

Можно подтвердить, что обвинение, брошенное коммунистами, главарям социалистов, в том, что они ни за что в мире не хотят революции и социализма, что они надежная опора буржуазии — что это обвинение не лишено основания.

Очевидно, что пацифизм и в этом случае удобная завеса, скрывающая действительное положение вещей. И если Лига наций и европейский союз Бриана проявляют себя бессильными во всем, что касается ослабления противоречий между империалистами, то они во всяком случае выполняют возложенные на них международной буржуазией надежды в отношении организации антисоветского блока. Но не следует смешивать

мирную политику Советского союза в Женеве с пацифистской мишурой империализма. Несмотря на то, что Советский союз не создает себе никаких обольщений в отношении пацифистских «способностей» капиталистических государств и что он дает правильную оценку заявлениям государственных людей буржуазных стран, он неуклонно проводит последовательную мирную политику (он это показал своими предложениями в Женеве), дабы показать массам, что только Советский союз, так как в СССР капитализм уничтожен, отбрасывает идею войны, и дабы сорвать с империалистов пацифистскую маску. Советский союз прекрасно знает, что война неизбежна, но его мирная политика имеет целью максимально отсрочить ее. Советский союз, делая мирные предложения капиталистическим державам, не соглашается с существованием капиталистического режима. После того как русские пролетарии сбросили своих эксплоататоров, они стремятся к мировой победе социализма. Только международный пролетариат освободит Советский союз от необходимости делать буржуазии мирные предложения, и от международного пролетариата зависит использовать борьбу классов для установления во всех странах пролетарской власти.

Непосредственная задача трудящихся предотвратить попытки империалистов мешать жизни стран Советского союза. Коммунистическая партия развивает в этой области широкую деятельность, в которой рабочие должны принимать активное участие.

Позиция коммунистов в национально-революционных войнах

Со времени мировой войны 1914—1918 гг. мы видим беспрестанное движение среди угнетенных народностей колоний и национальных меньшинств и постоянные войны их против империалистов за свою независимость и автономию. В таких войнах пролетариат должен брать сторону противников империализма, он должен поддерживать эти освободительные войны. Тем не менее его тактика не может быть определена раз навсегда по отношению ко всем национально-революционным войнам. Необходимо дать точную оценку характеру и частным обстоятельствам, в которых происходят каждая из этих войн.

Коммунистическая партия, напр., в войне 1925 г. поддерживала целиком весь народ риффов против французского империализма, тогда как в отношении Индо-Китая она держала связь лишь с трудящимися масса-

ми, втягивая средние классы в борьбу против империализма и против туземной буржуазии. В первом случае классовая дифференциация была незначительной, и поэтому классовая борьба играла лишь очень небольшую роль; феодальная буржуазия сама боролась против империализма, следовательно, возможным и нужным было организовать единый блок, объединяющий все классы в борьбе против угнетателя. Во втором случае классовая дифференциация уже более значительна и классовая борьба уже развертывается. Массы будут угнетены не только национальным французским империализмом, но также и туземной буржуазией. Впрочем, туземная буржуазия больше неспособна защищать национальные интересы, так как она продалась империализму и помогает ему в политике угнетения. Здесь единый национальный блок уничтожен классовыми противоречиями. Лишь бедные, эксплоатируемые экономически и политически угнетаемые национальные массы в состоянии бороться против империализма за национальную свободу, которая связывается с борьбой против туземной буржуазии и земельных собственников, за революционно-демократическую диктатуру рабочих и крестьян.

Первый случай тактики в национально-революционной борьбе встречается все реже и реже, ибо туземная буржуазия колоний в большинстве случаев уже перешла на сторону империализма, и она гораздо больше страшится революции рабочих и крестьян, чем гнета империализма. Таково положение в Индии, Китае, Алжире, в полуколониях Южной Америки и т. д. Во всех этих странах нужно применять вторую тактику.

В войнах империалистов против угнетенных народностей коммунистическая партия всеми средствами борется за поражение империализма. Она призывает пролетариат метрополии поддерживать борьбу угнетенных и защищать их требования независимости; она выбрасывает лозунг «эвакуации колоний»; она призывает солдат брататься с национально-революционной армией. Работая в этом направлении, коммунистическая партия ослабляет империализм — общего врага рабочего класса метрополии и угнетенных народностей колоний — и подготовляет благоприятную почву для свержения капитализма. Поэтому необходимо напрячь все силы для превращения империалистической войны в гражданскую войну трудящихся метрополии совместно с войной угнетенных народностей против буржуазии.

Сегодня эта задача больше, чем когда бы то ни было стоит на повестке дня, так как советский Китай, Индия и Индо-Китай борются за свою независимость, и весь колониальный мир стонет под игом империализма.

Практическая борьба коммунистической партии против войны

Как мы видим, вопрос о войне вещь не простая. Коммунистический интернационал, который с момента своего зарождения посвятил большую часть своей деятельности — не такой деятельности, которая выражается в пацифистских речах на международных говорильнях, а неустанной практической работе — борьбе против империалистической войны,—Коммунистический интернационал точно установил характер каждого вида войны и позицию, которую должны в них занимать коммунистические партии. Эта позиция постоянно исходит из того, где интересы международного пролетариата. Эти интересы постоянно противоположны интересам буржуазии, так как рабочий класс должен бороться против буржуазии как во время войны, так и в мирное время.

До войны оппортунистические социалисты всех стран, несмотря на то, что они были членами одного общего Интернационала, и несмотря на то, что они принимали одни и те же резолюции, были за национальную оборону, т.-е. за защиту собственной буржуазии, что и послужило причиной уничтожения II Интернационала. Теперь социал-фашисты всех стран, несмотря на то, что они еще объединены в один общий Интернационал, являются открытыми шовинистами и патриотами и активно сотрудничают в вооружениях своего империализма. Потому их «интернационализм» ничем не отличается от «интернационализма» буржуазии. Мы наблюдаем также этот невиданный спектакль, разыгранный в Женеве социалистическими лидерами, сражающимися в качестве представителей соперничающих империализмов. Наоборот, решения Коммунистического интернационала обязательны для коммунистических партий всех стран, и ни одна из них не может преступить эти решения. В этом мощь Коммунистического интернационала.

Но до сих пор мы исследовали позицию коммунистов лишь теоретически. Посмотрим теперь, что проделала за короткий исторический период своего существования — 10 лет—коммунистическая партия Франции в своей деятельности против войны.

В 1923 г. комитет металлургической промышленности потребовал от правительства Пуанкаре военной оккупации Рура. Коммунистическая партия и коммунистический союз молодежи немедленно принялись в стране

и среди армии за усиленную агитацию и пропаганду против спущенного с цепи шовинизма. Они объясняли рабочим и солдатам, что их интересы тождественны с интересами германских пролетариев и что германская и французская буржуазия неизбежно кончат тем, что примирятся на спинах пролетариев и взыщут с них свои издержки. Когда в мае 500 рабочих Рура объявили стачку, коммунистическая партия и коммунистический союз молодежи говорили французским солдатам: **«Братайтесь с германскими рабочими! Не стреляйте в них!»** А колониальным солдатам: **«Да здравствует свобода угнетаемых французским империализмом народностей!»** Размножались листовки, летучки, брошюры, газеты. Газета «Казерн» распространялась по воинским частям. Еженедельно выходило специальное для солдат издание газеты «Юманите». Солдаты в нем сотрудничали. В связи с затянувшейся оккупацией пропаганда и революционная работа в армии углублялись. В момент германской революции в полках существовали коммунистические ячейки, связанные между собой. Лозунгами были: **«Поддержите германскую революцию!», «Следуйте примеру черноморских моряков!», «Помогите рабочим Франции и Германии в их борьбе против фашизма!»** Результаты: правительство принуждено было отозвать туземные части. Французские солдаты первые открыли подписку в пользу германской коммунистической прессы находившейся под угрозой вследствие падения марки. Они «празднуют» 14 июля, покидая официальные «увеселения» для того, чтобы провести этот день с германскими рабочими. 5 августа 1923 г. на профсоюзном празднике в Дортмунде они участвуют в пении Интернационала, они демонстрируют в казармах, лагерях и т. д.

Конечно репрессии не замедлили обрушиться на партию и комсомол. После Эссенского конгреса, где встретились делегаты германской и французской коммунистических партий, главные работники партии и Всеобщей унитарной конфедерации труда — Кашен, Дорио, Перн, Монмуссо было брошены в тюрьму и обвинены в «заговере». Также были задержаны десятки молодых французских и немецких коммунистов, рабочих и солдат. Если правительство под давлением масс и вынуждено было освободить обвиняемых в заговоре, то военный совет Майнца после пяти месяцев предварительного заключения вынес представшим перед ним солдатам приговоров в общей сложности на 133 года тюремного заключения.

В это время социалистическая партия довольствовалась платоническими жалобами на политику национального блока и тем, что совместно с одобрявшими Пуанкаре и Эрио подготовляли, в виду предстоящих в 1924 г. парламентских выборов, блок левых.

В 1924 г. блок левых заменил собой национальный блок. Но он также — и с большим усердием — был к услугам французского империализма. Наши пацифистские демократы ни в чем не отказывают могущественным банкирам и промышленникам. Ведь в 1925 г. проводились кро-

вавые экспедиции в страну риффов и выгодные финансовым и индустриальным бандитам убийства в Сирии.

Коммунистическая партия немедленно разоблачала эти преступные предприятия. Она организовала протесты рабочих и крестьян и в то же время старалась, несмотря на все трудности, затронуть и армию и флот.

В согласии с Всеобщей унитарной конфедерацией труда и революционными организациями она созывает в крупных промышленных центрах и в районах погрузки и снабжения (Париж, Лион, Лилль, Безьер, Марсель, Бордо и Страсбург) конгрессы рабочих и крестьян, имевшие громкий отклик и приведение 12 октября 1925 года к политической забастовке, предложенной делегатами завода «Ситроен» на конгрессе в Клиши. Солдаты и моряки нелегально принимали участие в этих конгрессах, особенно в Марселе и Безьере.

Велась также активная пропаганда в полках, предназначенных к отправке на фронт, на вокзалах отправления, в портах погрузки и среди железнодорожников. «Казерн», «Жан ле Гуэн» несли на военные корабли лозунги партии: «Эвакуация Марокко и Сирии!», «Независимость риффов, марокканцев и сирийцев».

Несмотря на крупные затруднения, вызванные слабостью или отсутствием настоящих коммунистических организаций в Алжире и Марокко, оказалось возможным наладить связь с коммунистическими элементами армии. Были случаи братания с риффами. А когда французский флот Средиземного моря был мобилизован для охраны высадки испанских войск в стране риффов, на кораблях имели место значительные движения — в частности на «Курбе» и «Пари».

Что делали социалистические вожди? Они исключили из своих рядов членов низовых организаций, которые, осознавая свой классовый долг, приняли участие в конгрессах рабочих и крестьян. В парламенте, в своей прессе, в стране, они поддерживали Эрио и Пенлеве. Они голосовали за секретные фонды и военные кредиты. Объединившись с наихудшими реакционерами, они держались враждебно по отношению к нашей фракции, защищавшей угнетаемые народности. Вспоминается знаменитая фраза: **«Мы пойдем дальше, если это будет нужно»,** брошенная Реноделем по адресу Дорио и Рено Жана, вызванная их смелыми речами, произнесенными с трибуны от имени партии. Социалистические лидеры присоединились к гнусной кампании буржуазии против коммунистов и с энтузиазмом соглашались на репрессии, бросавшие в тюрьмы десятки и тысячами коммунистов.

Члены бюро Центрального комитета действия Морис Торез, Бонифуа, Семарр, Монмуссо, Кашен, Дорио, Мидоль, Анри Райно, Сюзанна Жиро, Жильбер и т. д. преследовались без тени протеста со стороны социалистов. Социалисты совместно с левыми демократами допустили проведение законов, по которым коммунистов судил не суд присяжных, а отдельные судьи.

Таким образом с 1 января 1925 г. по 31 июля 1926 г. было вынесено 355 приговоров (заявление хранителя государственной печати Барту на заседании парламента от 10 июня 1927 г.). Также было введено в силу лишение свободы за политические преступления. Со времени стачки 12 октября полиция жестоко нападала на рабочие манифестации. В Сен-Дени рабочий **Лейбурис,** получивший сабельный удар, должен был вследствие этого перенести ампутацию обеих ног. В Галлюэне хозяин **Сион** угрожал рабочим своим карабином. В Сюрене инженер **Лафосс** убил из револьвера рабочего коммуниста **Сабатье.** Военные трибуналы жестоко преследовали моряков. Кочегар **«Курбе» Дюмулен** был присужден к 4 годам тюрьмы, **Винье** из **Парижа** — к 3 годам, **Бернар** и **Гужи** из **Вольтера** — к 3 и 2 годам, **Петито** из **Меца**—к 3 года и **Леврие** из **Мильгуза** — к 2 годам.

В конце зимы 1927 г. китайские национальные армии быстро продвигались на север и угрожали Шанхаю. Сейчас же империалистические державы послали туда специальные корпусы, организованные из солдат и моряков. Французы обосновались в Шанхае, Тянь-Цзине и Ханькоу, Англичане в Гонконге. Армия оккупантов состояла из самых различных национальностей: англичан, японцев, французов, аннамитов, индусов, итальянцев и т. д.

Сначала французская партия и комсомол сделали упор на работе во французских и английских частях. После переворота Чан-Кай-ши китайская партия ушла в подполье. Работа в оккупационных частях стала труднее. Тем не менее среди солдат распространялись листовки и газеты. Французские военные власти принуждены были удовлетворить материальные требования войск, настолько возросло недовольство.

В том же 1927 г. коммунистическая партия проводила широкую кампанию против военных законов **Поля Бонкура** и **Пенлеве.** Она предприняла борьбу против организации частей запаса, которые правительство впервые после войны восстановило. Агитация партии и комсомола, вскрывающая цели империалистов, скрытые в новых военных законах, и роль военной подготовки в запасных частях войск, открыла глаза трудящимся и подняла солдат против империализма; одновременно с призывом запасников реорганизовать запасные части для антимилитаристской борьбы рекомендовала им итти в казармы и лагеря для того, чтобы приобрести навык в обращении с современным оружием. Коммунистическая партия стала также на защиту немедленных требований солдат.

Тогда в казармах и лагерях происходят манифестации. В Бур-Ластик, Ле Вальдон, Сиссоне, Коеткридане, Ниме, Дижоне, Шалоне, Ле Ришар, Шербурге, Бресте, Тулоне и т. д. в манифестациях принимали участие 300 тысяч запасников. Количество городов, охваченных движением, показывает полноту борьбы, потрясающую военную систему империализма. Эта борьба начинается в 1928 г. Несмотря на сделанные правительством уступки и на принятые им предосторожности для того, чтобы помешать организации запасников до их отъезда, снова были проведены массовые демонстрации.

По этому случаю не замедлили разразиться преследования. Редакторы коммунистических газет преследовались и присуждались к годам тюрьмы. Более 100 запасников было задержано. Но вмешательство их товарищей заставило сейчас же освободить 70 из них. Многие из представших перед военным судом были жестоко осуждены. Например, **Жеслен** к 10 годам публичных работ, **Тюффей** к 5 годам, **Булло** и **Мадзр** к 6 годам.

1 августа 1929 г. был проведен международный красный день против империалистических войн и в защиту СССР. Партия и комсомол провели в связи с этим усиленную кампанию, выставив несколько революционных лозунгов, глубоко взволновавших массы на заводах и в деревне. Буржуазия почувствовала опасность. Она пыталась обезглавить партию и Всеобщую унитарную конфедерацию труда и закрыть «Юманите» под предлогом заговора против внутренней и внешней безопасности государства. Буржуазия преследует, арестовывает и держит в течение 9 месяцев в тюрьме «Санте» ответственных работников революционных организаций. Но пролетариат поддерживает свою классовую газету. В наиболее критический момент в августе и сентябре 1929 г. сотни тысяч франков были внесены рабочими и крестьянами для того, чтобы поддержать жизнь органа Центрального комитета партии. Пролетариат также защищает своих бойцов, и в мае правительство было вынуждено временно освободить обвиняемых в «заговоре».

1930 г. весь с начала и до конца ознаменован ожесточенными и провокационными кампаниями империалистов и социалистических вождей против Советского союза. Это — идеологическая подготовка к интервенции, военные подготовления к которой совершаются в тени и которые, несмотря ни на что вскрыты «процессом Промпартии». В течение всего этого года коммунистическая партия вела значительную агитацию против империалистической войны в защиту Советского союза. Многочисленные преследования, аресты, приговоры, жертвами которых являются члены партии, — доказательство этого.

Такова деятельность, которую коммунистическая партия вписывает в свой актив.

Эта практическая деятельность отвечает ее теоретическим принципам и не заключается ли в этом некоторое перимущество коммунистической партии перед партией социалистической?

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
СЕЕ ОТНОШЕНИЕМ К ВОЙНЕ
СУМЕЕТ РУКОВОДИТЬ РАБОЧИМ КЛАССОМ
И
НЕ ИЗМЕНИТ ЕМУ,
КАК ЭТО СДЕЛАЛА
ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ
В 1914 г.

Содержание

Стр.

Предисловие — 3

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха национальных войн — 5
Эпоха империалистических войн — 6
Вопрос о защите отечества — 7
Оборонительные войны — 9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Французские социалисты и вопрос о войне

Франко-прусская война 1870—1871 гг — 11
Характер войны 1870—1871 гг — 11
Тактика германских социал-демократов — 13
Вопрос о войне и социалистические партии до объединения — 15
Вопрос о войне и французская рабочая партия — 16
Жорес — 19
Аллеманисты — 21
Патриоты и интернационалисты — 22
От объединения до Штутгартского конгресса — 23
Эрве и резолюция Ионна — 24
Жорес и Вайан — 26
Гэдисты — 28
Международный конгресс в Штутгарте — 30
«Новая армия» Жореса — 32
Наступление и оборона — 33
Принципы вооруженного народа — 35
Сотрудничество классов на основе защиты отечества — 36

Стр.
Канун войны и предательства — 38
На пути к бездне — 41

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

От военного социализма до раскола в Туре

Большинство в предательстве до конца — 44
Участие в правительстве. — 45
Сотрудничество парламентской фракции. — 46
«Юманите» Рено-деля. — 47
Движение меньшинства. — 52
Циммервальд и Кинталь. — 58
Дискуссия о присоединении к III интернационалу — 61
Страсбургский конгресс — 62
Кашен и Фроссар в Москве — 63
21 условие. — 65
Распад реконструктивистов — 67
«Понжовщина» — 68
Объединение рено-делистов и лонгистов — 69
Победа Комитета III Интернационала — 70
Основание коммунистической партии Франции — 71
Дебаты о присоединении — 71
Точка зрения коммунистического Интернационала — 74
Голосование за присоединение и раскол — 75

ВЫВОДЫ

Коммунисты и война

Никакой национальной обороны при капиталистическом режиме 78
Позиция коммунистов в войне между империалистическими державами — 82
Позиция коммунистов в войне между империалистами и Советским союзом — 84
Позиция коммунистов в национально-революционных войнах 86
Практическая борьба коммунистической партии против войны 88

Библиотека
Историческая